**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

МУТАНТЫ

Сергей Алексеев

Мутанты

«Алексеев Сергей»

2009

Алексеев С. Т.

Мутанты / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2009

Районный центр Братково разделен пополам между Россией и Украиной. Так получилось, что многие жители села, русские по происхождению, оказались на Украине, а украинцы – в России. Посреди села стоит башня-таможня, а вдоль границы идет бетонная стена. Селяне говорят на причудливой смеси языков, а занимаются в основном контрабандой. К пану Кушнеру, депутату Верховной Рады, имеющему резиденцию на краю села, приезжает чиновник из НАТО, американец Джон Странг. Узнав, что в окрестностях села бродит загадочный мутант, американец решает добыть его во что бы то ни стало...

© Алексеев С. Т., 2009

© Алексеев Сергей, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Алексеев

Мутанты

Доктору и моему другу Ирине Метловой посвящается

Глава 1

Говорят, первой эту диковинную тварь увидела ветеринарша Елизавета Трофимовна Совенко, более известная по прозвищу Сова. Пошла за грибами по своим заповедным местам и случайно наткнулась на партизанскую землянку, настолько памятную, что защемило сердце у старушки. Подобными бункерами, блиндажами и тайными схронами была вся вторая застава изрыта, многие еще уцелели, а эта обвалилась, и яма уже заросла можжевельником. Место тут диковатое, звериное, медведи давно облюбовали крутой, сухой увал и, чтоб берлог не копать, зимовали в партизанских бункерах. И кабаны в морозные месяцы сюда на отстой приходили, в мшистом, заболоченном логу паслись или тоже норовили в землянки залечь. Раньше охотники зимой часто ездили, из Брянска, Харькова, а то и из самого Киева, а в последние лет пятнадцать мало кто заглядывал, так и дороги заросли.

Присела Сова на кочку, где когда-то вход был в партизанскую прачечную, и в это время в ельнике что-то ворохнулось, заурчало. А потом будто кто-то позвал:

– Ба-бэ-бэ!

Причем голосом гнусным.

Напугать чем-либо бабку Сову было трудно, особенно в родном брянском лесу, да к тому же показалось, будто это козел оторвал веревку и следом увязался, поскольку тоже любил по грибы ходить. Сама же приучила, когда еще козленочком был, и вот с тех пор, как только лукошко возьмет, Степка скорее ее в лес: бежит впереди и все хорошие сшибает, а мухоморы жрет, стервец. А как нажрется, ну просто дурак дураком. Из лесу придет, встанет возле таможни и народ в Россию не пускает. Стоит, орет, передними копытами землю бьет – наверное, кажется ему, будто он зверь могучий, с лошадь величиной. Свату же, Тарасу Опанасовичу, и вовсе проходу не дает: то как-то на ворота загнал, то даже на крышу проезжавшего мимо трактора, а недавно всю его машину рогами побил. Наркоман, одно слово, поэтому и брать не стала с собой.

Пригляделась, и вроде бы на самом деле мохнатый козлиный бок в елках мелькнул. В другой бы раз сломила хворостину и прогнала, но тут подобрела от нахлынувших воспоминаний юности и позвала ворчливо:

– Добро уж, Степка, выходи...

А козел в ответ опять как-то мерзко заблеял:

– Ба-бэ-бэ! Да-ай!

Словно просит что-то! И почудилось, на дерево полез – рога на верхушке мелькнули и потом морда бородастая. Ну, значит, опять мухоморов наелся!

– Ты чего это там, леший? – прикрикнула Елизавета Трофимовна. – А ну, слазь!

Тут ветки-то раздвинулись и явилось чудище – горбатое, мохнатое, ручищи до земли, а из шерсти глаза черные блестят! И показалось, числом их три! На голове же то ли рога, то ли уши и рыло кабанье. В общем, не человек, не зверь и даже не обезьяна, хотя на двух ногах стоит.

И впрямь леший!

Однако бабка Сова твердо знала, что леших не бывает, не забоялась, взяла клюку наперевес и – как в штыковую атаку на фашиста:

– Пошел отседова! Геть, геть!

Безобразная же эта тварь лапы к ней тянет, будто схватить хочет, и скалитися еще! Тогда бабулька в нее пустым лукошком метнула – точно в морду:

– На тебе!

И сама науток без оглядки. Пожалуй, версты две бежала заросшими партизанскими тропами. Потом лишь спохватилась, но пожалела более не лукошко, а серебряное колечко, в нем припрятанное: руки у Сова от старости иссохли, и оно часто спадало с пальца. Так вот, чтобы случайно не обронить в лесу, бабка продевала в него шнурок и привязывала внутри корзинки. Памятное было колечко, дорогое, всю жизнь с ним ни на минуту не расставалась, да вернуться уж ни сил, ни храбрости не хватило. Подумала: ладно, завтра с утра прихвачу с собой козла, для надежности «вальтер» немецкий из подпола достану и схожу. На что чудищу этому корзинка моя? Поди, не возьмет, да и колечко вряд ли заметит. А грибы сожрет, так и ладно...

Рассказывать никому ничего не хотела, да тут у поскотины, на краю заросшего травой пастбища, как назло, ей дед Куров встретился, Степан Макарыч – бывший супруг, с которым разошлась Елизавета Трофимовна лет десять назад. Должно быть, узрел Сову еще на опушке леса, спрятался, подождал, а потом как выпрыгнет из травы:

– Хенде хох! Аусвайс! Шнель, шнель!

Он еще с молодости такой озорной был, норовил при случае страху напустить, подшутить, разыграть. Потом вроде бы образумился, остепенился, но к старости опять, должно, стал в юный возраст впадать.

Елизавета Трофимовна не дрогнула, лишь притулилась к жердям ограды, чтоб отпыхаться. В другой-то раз и досталось бы деду, но воспоминания, пришедшие возле разрушенной землянки, неожиданным образом стусеивали прежние обиды.

Степан Макарыч никогда особой внимательностью к своей постаревшей супруге не отличался и тут не сразу заметил, что она запалилась, отдышаться не может, бледная и прибежала из лесу без лукошка. А заметив, спросил снисходительно:

– Кто гнал-то эдак? Или напугалась чего?

– Тебе-то какая забота? – по-совиному напыжилась Елизавета Трофимовна, однако задираться ей в тот час не хотелось.

– Лица нет, трясешься...

А у бабки и в самом деле вдруг ноги подкосились, и она бочком сползла на траву.

– Ох, лихо мне, Кур, – только и простонала произвольно, да еще партизанским прозвищем назвала.

– Да что случилось-то? – обеспокоился Куров и даже засуетился. – Давай, подымайся!

Подхватил под мышки, приподнял, прислонил к забору и держит. От его этой участливости, а может, от недавних воспоминаний Сова и призналась:

– На вторую заставу по грибы ходила.

– Ого, ближний свет!

– Так сушмень стоит, пусто в лесу. А там по логу обабки да серушки попадают...

– И что?

– Отдохнуть присела, тут он и вылез из ельников...

– Кто – он?

– На козла похожий! И орет так же, будто просит чего. Баба, дай, говорит. Чего дай?

– Ага, а тебе будто дать нечего? – И ухмыльнулся, старый развратник.

– У вас, жовто-блакитников, одно на уме! Должно, леший был!

– Чего мелешь-то?

– Не знаю, как и назвать... Может, обезьяна, да ведь рыло, как у вепря, и вроде рога на макушке. Стоит на ногах, горбатый, лохматый, и рычит... Чуть только не схватил.

– Поблазнилось, поди-ка, – осторожно не поверил Степан Макарыч.

– Да вот как тебя видала! В елках сначала прятался, думала, козел. А вылез – страх божий И ощерился! Эй, ты пошто меня лапаешь-то?

Дед спохватился, отпустил Елизавету Трофимовну и огляделся, выдавая тем самым растерянность. Он знал свою бывшую супругу тыщу лет, еще с ее партизанских девичьих времен, и никогда подобных историй с ней не приключалось; напротив, Сову было трудно чем-либо испугать или взволновать даже в годах преклонных. В иной раз чудилось, она вовсе бессердечная и нервы у нее железные. Невзирая на возраст и в связи с отсутствием ветеринаров она до сей поры кастрировала всех поросят и бычков в районном селе Братково – как на российской, так и на украинской его сторонах. Причем, кажется, делала это с мстительным удовольствием...

– Может, и не леший, – вдруг усомнилась Елизавета. – А этот... Как его? Ити, что ли...

– Кого – яти?

– Тебе бы только яти! Тварь так называется, гималайская. По телевизору показывали.

– Не ити, а йети! – со знанием дела поправил Куров. – По-нашему, снежный человек. Да брешешь ты, Сова... Откуда ему взяться? Слепу, поди, привиделось. Он в горах живет.

Она обижалась мгновенно и от обиды становилась дерзкой и задиристой:

– А вот сходи на вторую заставу и глянь! Посмотрю, как ты от него драпать будешь!

– Была нужда, ноги бить...

Курову не хотелось сердить старуху. Он слишком хорошо знал вздорный нрав бывшей супруги и старался избегать всяческих ссор, поскольку Елизавета Трофимовна сразу же начала отравлять ему жизнь мелкой мстостью. Когда они разошлись, то поделили огород, имущество, хату и даже печь. Поскольку же печь была единственной, то деду досталась топка и лежанка, а бабке только одна ее теплая стенка и труба с задвижкой. Это ее вполне устраивало, ибо топить-то своими дровами приходилось Степану Макарычу и тем самым обогревать половину Совы. Он уж старыми фуфайками и одеялами перегородку обшил, чтоб тепло у себя задержать, а оно все равно к бабке уходит. Она там, слышно, босая по полу шлепает, а дед в валенках сидит даже летом. Мало того, стоит разругаться – так Сова дождетя, когда дед затопит печь, и закроет трубу. В таких случаях дым заполнял все его жилище, вынуждал бежать на улицу и потом искать компромисс с бывшей супругой – угар к ней удивительным образом не проникал! Летом можно было бы и не бояться подобного вредительства, однако кухня вместе с газовой плитой при разделе отошла бабке, и Курову приходилось готовить еду в печи круглый год.

– Тогда не говори, что брехня! – Сова все больше распалялась. – Будто я вру ему! Будто слепу! Зрячий выискался! Сам бы увидел, так в штаны навалил бы, Кур ты щипаный!

Это уж было слишком, но дед и не такое терпел от нее в прошлом.

– Может, зверь тебя испугал? – предположил он. – Кабанов-то вон сколь развелось, и медведи по второй заставе пешком ходят...

– Сам ты медведь! Что я, не отличу дикого зверя от этой твари? У ней ведь не лапы, а руки были. И бородача – во! Может, даже инопланетянин. Передают вон, гуминоиды эти на Землю давно прилетели. Корабль у них сломался. Может, поселились на заставе и живут? Там же нынче всякая бродяжня обитает...

– Бродягу ты и видала!

– Вот чего пристал к женщине? Не верит, а?! Ты мне всю жизнь не верил, потому и под откос ее пустил, бандера недобитая!

– Да будет тебе, Елизавета, – проворчал дед вполне добродушно. – Ну, поглядела на лешего, и хрен с ним. Живая осталась, и ладно.

– Не на лешего, а на снежного человека! А то на гуминоида...

– Нехай и на снежного...

Старуха уже отдышалась, взяла себя в руки и, как бывало в таких случаях, от негодования аж присела, как кошка, уши прижала и зашипела:

– Ох, и хитрый же ты, чума оранжевая! Будто соглашаешься, а сам себе на уме! Ух, порода ваша хохляцкая! И вообще, ты что тут делаешь? На территории чужого государства? Как нынче твоя фамилия? Курвенко?

– При чем здесь фамилия? – Теперь уж дед рассердился. – Что ты в самом-то деле? Я к тебе по-доброму шел, обрадовать хотел!

– Ну-ка геть в свою самостийную Украину! Нечего тут выглядывать да вынюхивать, натовский прихвостень!

Дед только рукой махнул и пошел к таможене, ибо знал: если Сова новую его фамилию вспомнила, значит, ее понесло и толку не добиться.

Он и в самом деле всю жизнь был Куров и считал себя русским, а тут, когда райцентр разделили демаркационной линией и он вместе со своей половиной хаты очутился в Украине, по решению районной Рады всех переписали на хохляцкий манер и выправили соответствующий паспорт. Делили-то второпях, как придется, и получилось, что все москали оказались в Украине, а хохлы в России – так уж с давних пор заселено было Братково. Кто бы думал, что когда-нибудь раздерут село на два государства?

Степан Макарыч документа не принял из принципа, так сначала пенсию перестали приносить, а потом обманом старый забрали и новый всучили. Из-за того и российского гражданства не дали, хотя он в газету написал, что не хочет примыкать к Украине. До Верховных судов обоих государств дошел, чтоб восстановить справедливость, сотню справок разных собрал, живых свидетелей разыскал, три общих тетради на письма перевел – не помогло. И тогда ветеран партизанского движения объявил свою хату со двором отдельной державой, нарыл ходов из своего подпола, чтоб бороться с экономической блокадой и чувствовать себя вольным, после чего отказался подчиняться каким-либо законам и властям. Хотел еще свои деньги напечатать, почтовые марки и герб нарисовать, продавать все это и жить, как Папа Римский, но потом слегка поостыл. Крестник его, Мыкола Волков, человек политически грамотный, тайно посоветовал назвать государство размером в полхаты – Киевская Русь. Он был мастер придумывать всякие комбинации. Чтоб никому обидно не было, дескать, всегда будет политическое оправдание. Если государство Израиль, которого не существовало тысячи лет, восстановили, то почему бы не возродить Киевскую Русь, хотя бы не с целым народом, а в лице одного человека? Несколько лет Куров с этими идеями носился, однако древнее восстановленное государство не признали даже в сельпо, где отпускали товары под запись.

Елизавета же Трофимовна с того самого дня, как узнала, что дед теперь Курвенко, да еще услышала сплетни, мол, он по своей воле стал так называться, во всяком споре использовала это как самый веский аргумент – чтоб обидеть до глубины души.

Даже козла своего Степаном назвала...

А дед был москаль прирожденный, поскольку родился и вырос в Московской области и зимой сорок первого, после краткосрочных диверсионных курсов, был заброшен на парашюте в брянские партизанские леса – немецкие эшелоны под откос пускать. Его тогда никто в отряде ни по фамилии, ни по имени не звал, из конспиративной необходимости ходил он под кличкой Кур, то есть петух. Так же звала его и будущая, а теперь уже бывшая, супруга, которая еще совсем девчонкой в отряде товарища Ковпака стирала белье, пулеметные ленты патронами набивала и носила, как и до сих пор, фамилию Совенко...

Куров и сам чуял, что к старости обидчив стал и, должно, от Совы заразился желанием мелкой мести, ибо отошел от поскотины, обернулся и крикнул:

– Ты бы, дура-баба, прежде спросила, зачем я к тебе в сопредельное государство ходил!

Елизавета Трофимовна насторожилась, но из гордости не переспросила. И тогда дед с удовольствием подразнил ее:

– От Юрка письмо пришло! Одному мне адресовано! Бабка Сова в тот час же дернулась было следом и даже рукой махнула, но Степан Макарыч лишь прибавил шагу.

Юрко был их хоть и не единственный, но самый дорогой, воспитанный чуть ли не с пеленок, любимый внук...

* * *

Дед Куров особенно-то не распространялся о том, что ему Сова поведала, – дабы сплетен не разносить, поскольку сам все-таки не поверил ни в лешего, ни в снежного человека. Крестнику своему, Мыколе Волкову, только и рассказал в тот же день. Да и то шутливо, дескать, крестная его сегодня по грибы пошла, и ее в лесу какой-то человекоподобный зверь, навроде гориллы, чуть лапами не схватил. Так она корзинку бросила и бегом прибежала со второй заставы – а это тебе не ближний свет, – вон, мол, еще сколько здоровья у бабки!

Николай Семенович был образованным, с молодости в начальниках ходил, даже одно время, под закат советской власти, председателем Братковского райисполкома работал. Но с женами молодому предрику не везло: первую у него посадили за растрату, из-за чего и сам он пострадал; вторая ушла, занявшись бензиновым бизнесом, и теперь Волков жил гражданским браком с третьей – властной и своенравной Тамарой Кожедуб, судебным приставом москальского районного суда. Она через брата своего, пана Кушнера, и устроила Волкова на хлебное место – начальником украинского таможенного пункта. А начальником российского был Шурка Вовченко, как две капли воды похожий на Мыколу, поэтому иногда их путали и поговаривали, что они от одного отца, только от какого, решить не могли.

Волков-то сначала на все это дело купился, но когда вкусил жизни с Тамарой и таможенной работы, стал одинаково томиться как от сожительства, так и от своей службы, куда его определили чуть ли не насильно. В последнее время он жаловался, что стремительно тупеет, теряет былой интеллект, подвижность ума и речи, оттого что заставляют учить украинский язык. Мол, в голове происходит мешанина, сумбур и даже болезнь развивается редкая и заразная – раздвоение сознания. Это когда один и тот же человек кажется то слишком умным, то ну просто дурак-дураком. Возможно, от этого заболевания у Мыколы появились две тайные мечты, которые исключали друг друга. Первая – избавиться каким-то образом от Тамары, а вторая – вернуться в районную власть, головой администрации или, на худой случай, председателем районной рады. Но вторая мечта была как раз и неосуществима без официальной женитьбы на сожительнице. И потом, записанный украинцем, Мыкола Волков толком не знал государственного языка, а без этого занять столь высокую должность ему тоже не светило. Говорил он на суржике, дикой смеси москальского, хохляцкого и бульбашского, как и все остальные, за редким исключением, жители Братковского района. А требовалось владеть настоящей украинской мовой, дабы и другим пример показывать, поскольку Сильвестр Маркович, то есть пан Кушнер, от которого зависело назначение, терпеть не мог языка кацапов. Поэтому крестник Степана Макарыча, сидя на таможе, вот уже год без малого размышлял, как поступить, и на всякий случай зубрил эту мову по школьным учебникам.

С охолотившимся дедом Куровым они в какой-то степени были товарищами по несчастью – что касается женщин, раздвоенного сознания и самого образа жизни, и именно это сближало их больше, нежели отношения крестного родства. Сойдутся бывало, выпьют горилки и давай толковать о наболевшем – глядишь, и легче становится.

Выслушав крестного, Мыкола высказал мысль, якобы то не зверь крестную ловил, а самый обыкновенный мутант, прибежавший в эти края из чернобыльской зоны. Там-де некоторые селяне жить остались и нарожали уродов, и вот эти полулюди, полуживотные существа уже выросли и разошлись: кто в Украину, кто в Белоруссию или Россию, и теперь бродят по лесам, народ пугают, а больше свеклу с полей воруют, овец, телят, или молодых девок ловят и волокут в свои берлоги. И хоть внешне похожи они на человека, но шерстью обросли, бывает, и по три глаза у них, или, хуже того, рога на головах вырастают, и даже хвосты. Истинно, черти!

Но, говорят, быстро стареют, живут недолго – к двадцати годам все помирают. Мол, еще в прошлом году Шурка Вовченко, российский таможенник, от безделья увлекающийся всяческой чертовщиной, на той же второй заставе наблюдал человекоподобное существо, которое живет скрытно, почти не оставляет следов и, скорее всего, обитает в уцелевшем бункере. Зимой босой и голый ходит, так шерсти только на подошвах нет, как у медведя. У них, дескать, происходит замутнение генов, потому и называют их мутантами. И этот же Шурка придумал легенду, будто это не кто иной, как черный партизан, – по аналогии с черным альпинистом: когда-то брошенный в беде своими товарищами, он, ставши бессмертным, ходит теперь партизанскими тропами и ищет их, чтобы отомстить. Полное вранье, конечно, ибо Куров лучше всех знал: партизаны даже мертвых своих товарищей не бросают.

А вот видеть мутанта Вовченко вполне мог, в этом Мыкола уверен. И прямо спросил бы у своего коллеги, но отношения у них были сложные, конкурентские и предвзятые. Короче, подъедали друг друга где и в чем только могли, так что на откровенность рассчитывать не приходилось. Хуже того, принципиальный российский таможенник тут же настучал бы куда следует, и начались бы проблемы. Поэтому Волков сразу предупредил крестного, что болтать об этом запрещено, дескать, имеется тайное межгосударственное соглашение о неразглашении сведений про мутантов – дабы не отпугивать западных инвесторов чернобыльской опасностью. Поэтому всех очевидцев сразу же обвиняют в заведомо ложной пропаганде порочащих независимые государства измышлений или объявляют сумасшедшими и помещают в дурдом. Ты, дескать, сам помалкивай и крестной накажи, чтоб язык за зубами держала, если в психушку не хочет на старости лет.

Все-таки хорошо поговорить с умным и знающим человеком! Куров в тот же вечер пришел в свою половину хаты, однако предупреждать Сову ни о чем не стал, а вздумал устроить ей испытание: затопил печку, поставил разогревать ужин и принялся ждать, устроит ему соседка газовую атаку или нет. Прошло пять, десять минут, но тяга не уменьшалась, потом и картошка с салом зашипели на сковороде – бабка трубу не закрывала. Значит, клюнула на сообщение о письме от внука и мстить не станет. Степан Макарыч поужинал под рюмку горилки, окончательно раздобрел и постучал в стену.

– Эй, Сова! – окликнул. – Ты про снежного человека-то не болтай, а то в больницу упекут.

– Это еще почему? – не сразу спросила она.

– Государственная тайна. За разглашение – срок. Ты не лешего видала, не гуманоида...

– А кого, по-твоему?

– Мутанта.

– Какого еще мутанта?

– Чернобыльского, радиоактивного. Урод такой, не человек и не зверь...

– Ну, слыхала я про них, и чего?

– Ничего. В дурдом посадят, да и все.

– Может, у вас, хохлов, это тайна государственная, – отреагировала Елизавета Трофимовна после недолгого раздумья. – А у нас в России секретов нету. У нас страна открытая, вся нарастапашку.

– И у вас мутанты под грифом.

– Кто сказал?

– Мыкола Волков.

Сова крестника своего считала бабником и непутевым мужиком, впрочем, как и его давно пропавшего отца, поэтому ехидно хихикнула – перегородка была не толстой, в две доски, и все бабкины интонации слышались отчетливо:

– Нашел кому верить!

Но поносить его, как обычно, не стала – должно быть, помнила о письме от Юрка...

– Как хочешь, – равнодушно отмахнулся Куров. – Арестуют, тогда не реви. Пухнаренков ваш за этим лично следит.

Пухнаренков был главой российской администрации.

– А чего ваши чернобыльские мутанты в нашем брянском лесу делают? – после долгой паузы спросила Сова.

– В основном девок ловят, – ухмыльнулся дед. – Тебя ведь тоже поймать хотел?

– Я вот ему поймаю! – послышалось отчетливое клацанье затвора. – Пусть только встретится еще раз!

– Ты зачем «вальтер» откопала?

– От вас, хохлов, обороняться!

– Не шали, Елизавета...

– У меня лукошко на второй заставе осталось! И ножик... Я женщина одинокая, помочь и защитить некому, завтра сама пойду...

И будто всхлипнула. Это она так на жалость давила, надеясь, что Куров сходит и отыщет корзину или уж, на худой случай, с ней пойдет, но все подобные приемы бывшей супруги дед давно изучил и никак на них не реагировал: стоит чуть слабинку дать, как верхом на шею сядет и понукать будет – характер такой. Дед в ответ включил телевизор, растянулся на койке, словно сытый кот, и Елизавета Трофимовна поняла: не разжалобить нынче бывшего супруга.

– Письмо в шелку просунь! – потребовала она.

– Какое письмо?

– От внука моего!

После раздела хаты в перегородке оставалась единственная щель – за печкой в углу: хата от старости проседала, и, как ни затыкали, ни заделывали, щель все равно светилась одинаково в обе стороны.

Дед даже не шевельнулся:

– Мне адресовано!

– А я его бабка родная! Имею право! Суй сейчас же, а то будет тебе газовая атака!

Куров покосился на противогаз, висящий всегда наготове, под рукой, и потянулся:

– Только попробуй... Свет отключу.

Электрические пробки остались на дедовой половине хаты, и, бывало, зимой, когда темными вечерами Сова смотрела сериалы, эта угроза действовала безотказно. Но сейчас на дворе еще солнце не село, поэтому бабка простучала босыми костлявыми пятками по гулкому полу и громко брякнула печной заслонкой.

– Нюхай, хохляцкая рожа!

Степан Макарыч хладнокровно напялил резиновую маску противогаза, распахнул окошко и, поправив подушку, уставился в телевизор – показывали новости. Печь уже прогорала, поэтому синий, угарный дым почти не застилал экрана, не мешал смотреть и медленно уносился на улицу. Елизавета Трофимовна выждала минут пять.

– Ну чего, живой еще, бандера? – спросила наконец.

– Что мне сделается? – пробубнил сквозь маску Куров. – Я уж привык терпеть от вас, москали проклятые. Погоди, вот хохлы вступят в НАТО и покажут вам кузькину мать.

– Нехай вступают! – без особого азарта подбодрила Сова. – И поскорей! Вот уж потехи будет – хохлы в НАТО!

– Чего же потешного?

– Так ей же сразу хана придет!

– Кому – ей?

– НАТО твоей!

– А они тогда – в Евросоюз!

– И союзу этому будет полный кирдык! Вы, хохлы, – наш засадный полк. Мы вас скоро в Штаты зашлем! Шоб разьединить их к чертовой матери! От них вся зараза идет...

– В том и есть ваша москальская агрессивная физиономия! – нехотя отпарировал дед.

Старухе, должно быть, тоже надоело препираться, да и любопытство разбирало – открыла задвижку на трубе и попросила глухо:

– Скажи хоть на словах, что пишет-то Юрко?

– Что надо, то и пишет.

– Поклон-то мне прислал?

– Поклон прислал, о здоровье спрашивал. Не примерла ли еще, говорит, бабка Сова? Не сунули ли ее в скважину?

– Ну чего болтаешь-то, дурень? Разве Юрко так про родную бабушку спросит?

– Ладно, шучу...

– Отпиши ему, дескать, плохая стала, болею!

– Ничего себе – плохая! – захохотал дед. – Со второй заставы рысью прибежала, и хоть бы что!

– Из последних сил прибежала. От муданта этого снежного...

– Да ты и без муданта как вертолет!

Старуха загоревала и, судя по звуку, зарядила пистолет.

– Приехать в отпуск-то обещается?

– Обещается, жди... Пока, говорит, горсть алмазов не накопаю, не приеду.

– Сдались ему эти алмазы! – Сова обиженно высморкалась и тут же принялась ругаться с причетом: – А все ты! Ты дорогу из родной хаты показал! Вот и осталась я одна-одинешенька на старости лет! И некому будет воды подать...

Куров знал, что эта песня на добрых полчаса, снял противогаз и прибавил звук в телевизоре. Обычно в таких случаях он отмалчивался, поскольку мысленно соглашался с бывшей супругой и чувствовал себя виноватым.

После освобождения брянщины от фашистов диверсанта Курова демобилизовали по ранению, но вместо того, чтоб в тот час отправиться домой, в Московскую область, он оказался в Братково. Его партизанская подруга Лиза Совенко уговорила остаться в ее родных местах: мол, поправишься и поедешь, куда тебе торопиться? А сама, коварная, уже тогда замыслила женить Кура на себе и навсегда оставить на Украине, оттого и ласковая была, безотказная, всякую его волю исполняла и в рот заглядывала. Он и не собирался жениться на ней, не нравилась ему Сова – курносая, глазки маленькие, востренькие и губы вечно удивленной трубочкой. И хоть рано созрела, аппетитно округлилась, словно краснобкое яблоко, да не то что укусить – ущипнуть не дает. Командир прикрепил ее к Курову, чтоб обучил всем премудростям взрывного диверсионного дела, так и образовалась птичья диверсионно-разведывательная группа Кур и Сова. Потому они на пару целый год ничем иным, кроме рельсовой войны, не занимались. Это уже когда он долечивался под ее присмотром во фронтовом госпитале, потерял однажды бдительность и допустил непозволительную шалость – как-то само собой получилось, невзначай. Думал, обойдется, и, поправившись, собрался уезжать, но Сова вдруг заявила, дескать, на сносях я, и не стыдно ли тебе, геройскому партизану, бросать обманутую беременную девицу, фронтовую подругу на произвол судьбы? В общем, он по молодости-то поддался шантажу, остался, но в сельсовете расписываться не стал принципиально.

Она тогда и на это была согласна.

А Братково немцы еще в сорок втором дотла сожгли, жить негде, так они снова вернулись на вторую заставу, поселились в прачечной и прожили там до весны. Хотели летом хату поставить в селе – им, как героям, землю дали и материала на строительство, но тут появился вербовщик и говорит, мол, на золотые рудники требуются взрывники. Они же с партизанской подругой ничего тогда еще не умели делать, кроме как взрывчатку под рельсы или мосты под-

кладывать да эшелоны под откос пускать. Курова с беременной женой не взяли бы, но супруги скрыли это, записались добровольцами и поехали в Якутию. Тут спустя некоторое время и выяснилось, что Елизавета пустая и ни на каких сносях вовсе не была, но уж поздно, увяз коготок. Так пять лет они на пару шпуры бурили, аммонит закладывали и рвали породу с кварцевыми золотыми жилами. Надо сказать, Сова и в тылу у немцев была отчаянной, иногда чуть ли не у них на глазах магнитные мины под вагоны ставила; тут же и совсем расхрабрилась, и возникло между супругами нечто вроде рискованного соревнования – кто короче запальный шнур оставит. Однажды били шурф буровзрывным способом по коренным породам, и такая заруба, что никто уступить не хочет. А суть ее состояла в следующем: надо было зарядить шпуры, свести детонирующие шнуры в коллектор с капсюлем, уже в него вставить бикфордов шнур, запалить его и, пока горит, успеть подняться наверх в бадье, которую выкручивали воротом двое горняков. И получалось: шурф все глубже, а шнур короче. Было уже метров десять глубины, когда Степан установил абсолютный рекорд и подорвал заряды тридцатью сантиметрами – меньше оставлять уже было никак нельзя. Но Сова вошла в раж и сдаваться не собиралась: демонстративно укоротила шнур еще на вершок и спустилась в забой.

– Не шали, Елизавета! – предупредил Куров. – Не успеешь!

– Успею! – отвечает эта поперечная женушка. – Я легче тебя!

Забралась в бадью, запалила и кричит:

– Вира!

Горняки тоже в азарт вошли и страх потеряли, навалились на рукояти, крутят ворот, смеются – Степан помогать кинулся, и все равно не успели. Взрыв громыхнул, когда Сова была уже над устьем шурфа, и это ее спасло: мощной ударной волной ее подбросило метра на три вверх и только посекло задницу крошкой кварцевой жилы. Говорят, в больнице, когда осколки вынимали, то даже самородное золото находили, правда, мельчайшие частицы извлечь не смогли, много еще и осталось. Месяц она пролежала на животе, пока не зажило, после чего к взрывчатке больше не притрагивалась, поехала учиться на курсы ветеринаров и последние два года в Якутии проработала на конной базе рудника. И то ли от этого памятного взрыва, то ли от золота, которое вросло в тело, но пробудилась наконец в Сове женская природа: неожиданно забеременела и родила первенца Тараса. В Братково они вернулись по причине второй беременности. С двумя-то малыши детьми тяжело в холодных краях. Благодаря солидному северному заработку выстроили большую хату посередине села – как героям-партизанам, им отвели самый лучший участок – и лет двадцать, пока сыновья не выросли, жили душа в душу. Выучили Тараса на механика, женили, но рожденная в Якутии бродяжья неумная душа все куда-то манила сына, и в результате взял он свою жену да по комсомольской путевке рванул на Сахалинские нефтепромыслы, простым бульдозеристом. А спустя год следом за ним и второй сын, Василий, сорвался, – оба за длинным рублем погнались. Причем поехали не спросясь, своевольно, отчего Сова и начала ворчать на мужа, мол, это ты им дорогу из дому показал, ибо сам по характеру бродяга, бездомок и кочевник.

Там, на далеком острове, у Тараса родился Юрко. Внук, долгожданный, красивый, пригожий, был, однако, болезненным из-за худого сахалинского климата. Как-то приехал старший в отпуск, отпрыска своего показать, а Сова как увидела его, так и отрезала:

– Внука вам не отдам! Загубите, ироды, ребенка!

Родители особо и не сопротивлялись, оставили Юрка и уехали. И еще на несколько лет в хате воцарился мир и душевный покой, но лишь до тех пор, пока внук в армии не отслужил. Словно подменили парня. Вроде и невесту себе нашел, свою, братковскую, Оксану Дременко, первую красавицу в районе. И родители у нее люди солидные, уважаемые: отец Тарас Опанасович секретарь райкома, мать главврачом в больнице. Через них Юрко и на работу поступил в ГАИ – место прибыльное, с казенной машиной и одежей. Казалось бы, женись и живи, в ус не дуй! Ан нет, затосковал, заметался, все ему не ладно.

– Дела большого хочу! – заявил однажды деду. – Мир хочу посмотреть. А женюсь, так дальше Брянска не уедешь.

Да и Оксана тогда была девицей гордой, заносчивой: секретарской дочке отдельную каменную хату и чуть ли не царицыны черевички подавай на свадьбу. Не то, мол, что за жених – гол как сокол, хотя предки всю жизнь на нефтепромыслах отмантулили. И вот эта ссыкуха склонила парня съездить на заработки, да не на Сахалин, а по дедовой дорожке, в Якутию, за алмазами. Тогда многие уезжали на севера, Шурка Вовченко оттуда вернулся и сразу же кирпичный особняк выстроил под железной крышей, машину «Волгу» купил и еще осталось денег, чтоб жить и дурака валять. Говорили, повезло ему – выковырял однажды крупный алмаз и продал спекулянтам. Должность начальника таможенного пункта, по слухам, он попросту у Пухнаренова купил за семь тысяч долларов. А все для того, чтобы сидеть на теплом месте и заниматься своими делами для души. Он еще на Севере увлекся всякими необъяснимыми явлениями природы – летающими тарелками, пришельцами и прочими чудесами. Сидел на таможне, с башни в телескопическую трубу по ночам смотрел, что-то записывал или читал книжки, присылаемые ему по почте. Дед Куров считал, вот так и должен жить человек: потрудился со всей силы несколько лет, а потом живи в свое удовольствие. Но многие думали про Шурку, что он слегка с катушек сбился: нет бы бабки зарабатывать на хлебном месте, а он, дурень, чертей ловит сам и еще других заражает всякими небылицами.

И сам Дременко думал отдать дочку за богатого зятя и еще чуял, что скоро придет конец его власти. Потому советовал Юрку прежде на ноги встать, а потом жениться.

В общем, завербовался внук и уехал совершать большие дела. А тут начался всеобщий развод, раздел имущества и государственного огорода. Когда же он закончился, бабка Сова, должно быть, из ума выжила по старости и потребовала, чтоб Куров на ней женился законным браком. Всю жизнь прожили нерасписанные и ничего, а тут приспичило ей: мол, не желаю в гроб ложиться девицей невенчанной. Как внук подался в Якутию, так она тогда помирать собралась и даже гроб себе купила, чтоб ее гробовые деньги не пропали. Правда, потом подарила его, когда одна из ее подруг преставилась. Дед чуть было не поддался на провокацию, но поразмыслил и решил не смешить народ на старости лет и расписываться отказался. Так бабка и вовсе взбесилась и стала строить в хате границу. Сама доски таскала, городила, выгadyвая, конечно, себе побольше, но дед не противился. Однако двери между половинами все-таки заколачивать не стала, а замкнула на огромный висячий замок и завесила премиальным ковром, полученным когда-то за успехи в деле кастрации и осеменения.

– Ко мне в Россию больше ни шагу! – заявила. – Не хочу с вами, хохлами, на одной жилплощади жить!

Конечно, это она все от тоски по внуку, но, видя непреклонность Совы, Куров со своей стороны перегородку обколотил старыми фуфайками, тряпьем ненужным, даже шинели не пожалел. Сверху для аккуратности строгаными досками закрыл, на дверь замок повесил и прикрыл ее своим премиальным ковром.

Юрко же в Якутии только денюжат заработает на хату, но до аэродрома доехать не успеет, чтоб билет купить, глядишь, сгорели, подешевели – на обратную дорогу не хватает. Возвращаться же с пустыми руками позорно, внук уродился весь в бабку: упрямый, как все Совенки, дерзкий, своенравный, в общем, по характеру – так истинный хохол. Первые годы старикам письма часто писал, Оксане же чуть ли не каждый день, и никогда не жаловался на судьбу, ковырял свои алмазы в кимберлитовой трубке и обнадеживал деда с бабкой и невесту, мол, еще на годик останусь и тогда уж на каменную хату будет. Но тут дефолт в России случился, и Юрка опять с носом остался, да в уныние не впал, поскольку на удивление первая раскрасавица Оксана все еще ждала его, себя блюла, на ухаживания не отвечала и всем сватам, что являлись, гарбуза выносила – любила крепко, должно быть, жениха своего. В результате осталась незамужней, на пару с Тамарой Кожедуб. Они долгое время даже ходили всюду вместе, под ручку, а

если на дискотеку, то танцевали шерочка-с-машерочкой. Мужики все еще облизывались, взирая на недоступную Оксану, а Тамару попросту никто замуж не брал, опасались ее саженого роста, непомерных объемов и богатырской силы. Но тайно восхищались, глядя на обеих. Вот эти-то несмелые братковские женихи и пустили по селу грязные разговоры, мол, не дружба у этих двух старых дев, а грех сплошной – лесбиянство называется. И кто-то из завистников Юрку письмо в Якутию написал, дескать, твоя невеста замуж за Шалавовну собралась – это за глаза так Тамару называли, по отчеству-то она Шалвовна, вроде родитель у нее был заезжий грузин. Должно быть, Юрко поверил, обиделся и Оксане на письма отвечать перестал, хотя дед Куров опровергал все злобные домыслы.

В самом же деле здесь другая причина была. Внук наконец-то ума набрался и однажды втайне от бабки отписал деду, мол, нынче на алмазах денег не заработать и хаты не построить, свадьбы не сыграть, теперь хорошо живет тот, кто шаманить умеет и деньги к себе притягивать. Дескать, бросил я работу в алмазной трубке и поступил в высшую шаманскую школу на учебу – дар у него какой-то там прорезался. Тогда же повсюду открывали духовные семинарии, академии, медресе там всякие, ну а у них, в Якутии, естественно, институт белых шаманов. И еще предупредил Юрка, ты, мол, дед, про это ни бабке, ни Оксане не говори – не поймут или, чего доброго, испугаются. Короче, с тех пор на зависть Сове и началась у Курова с внуком тайная переписка. Так что Степан Макарыч чувствовал себя хозяином положения, однако удовлетворения не испытывал, ибо подозревал, что Юрко, скорее всего, высмотрел там какую-нибудь якутскую шаманку, женился и этот факт скрывает даже от деда. Он-то по опыту знал, какие они прилипчивые, девки ясашные, особенно к начальникам льнут, а шаман у них и раньше считался самым главным начальником.

Поди, еще правнуки появились, узкоглазенькие...

И вот теперь, выслушав бабкин обвинительный причет, Куров выключил телевизор, промешал угольки в печи и, убедившись, что угару не будет, даже если старухе вздумается трубу закрыть (мало ли что ей в голову взбредет!), улегся спать. А сон ему приснился такой, как Юрко в письме описывал, если его скоро назначат верховным шаманом. Привиделось, будто уже назначили, и теперь внук живет в белом чуме, ходит в белых, с красными узорами из бисера, одеждах, соболями отороченных, и ездит на тройке белых же оленей, если по тундре, а если по дорогам, то на черном «мерседесе» с охраной – как патриарх у нас. И везде ему почет и уважение, ибо постиг он высшую магию шаманства и с помощью белого бубна с золотыми колокольцами изгоняет из пределов Сахи-Якутии злого духа, имя коему Арсан Дуолайя...

Куров и проснулся от звука этого бубна, однако прислушался, а это Сова в перегородку стучит, но не кулаком, как всегда, а осторожно, козонком пальчика. Доски еловые сухие, так звонко получается...

– Ну, чего?

– Спасибо уж тебе, Степан Макарыч, – вдруг заговорила льстиво, будто опять женить на себе хотела. – Когда ты с добром ко мне, я ведь тоже в долгу не останусь... А на мои слова внимания не обращай. В сердцах сказала, что ты бы в штаны навалил... Все такой же храбрый оказался, как в молодости. И муданта этого не испугался.

Дед ушам своим не поверил: эко запела! Но из соображений конспирации интересоваться не стал, надеясь самостоятельно выведать, что это со старухой приключилось. И скоро выведал: оказывается, Сова рано утром отвязала козла, взяла его на поводок, как собаку, сунула за пояс «вальтер», но только со двора – глядь, а лукошко на калитке висит. И колечко, привязанное шнурком, на месте, и ножичек...

Вероятно, и решила, что это бывший супруг сподобился, сбегал ночью на вторую заставу, отыскал и принес. Курову же ничего подобного и в голову не приходило, однако разрушать старухиных иллюзий он не захотел, но, влекомый крайним любопытством, тихонько залез в подпол, откопал там наган и подземным ходом, прорытым еще несколько лет назад в сопре-

дельное государство, дабы через таможеню с оружием не ходить, пробрался в Россию. И там уже задами, обогнув село, отправился на вторую партизанскую заставу...

Глава 2

Во второй раз этот мутант, леший, черный партизан, или как еще его там, объявился на украинской стороне: то ли за государственную границу сиганул, то ли вообще другой был, но очень похожий по описанию. В Братково на оба государства был один бизнес – контрабанда, и таскали ее туда-сюда огромными сумками на плечах и головах, как африканцы, от заката и до рассвета. С Украины в Россию чего только не волокли – от колготок до запчастей к самолетам, да и в обратную сторону тоже – от сигарет до моторного масла и грузовиков «КамАЗ», разобранных на детали. И много еще всякой всячины таскали, которой не хватало на другой стороне, либо была значительная разница в цене. Делали это в основном женщины, и тайными лесными тропами, поскольку все шоссейки, проселки и бывшие хозяйственные дороги были перекрыты заставами, постами, патрулями и секретами, как в прошлые партизанские времена немцами, только еще надежнее. И вот спустя неделю после того, как бабка Сова нос к носу столкнулась с чудовищем, шли себе ночным трафиком с российской стороны три хохлуши, несли кипы с «Мальборо» подпольного брянского производства. А давно было замерено: одна средняя братковская женка при определенных навыках и соответствующей увязке груза без особого напряжения способна за раз перетащить на себе ровно два кубометра сигарет. То есть троим они заменяли грузовик «Газель».

И вот контрабандистки благополучно миновали засады, прошмыгнули через свое тайное «окно» на госгранице и, должно быть, расслабились в ридной Украине, осторожность потеряли, да и притомились: светает уже, комары жрут, а отмахнуться – руки заняты. Остановились на минуту дух перевести, тут из тумана и возник мутант – горбатый, волосатый, ноздри раздувает, отфыркивается и рычит утробно, словно бык разъяренный. Женщины так и обмерли, поскольку слух о нем, несмотря на Куровскую конспирацию, всю округу трижды облетел и оброс шерстью всяческих домыслов не хуже, чем снежный человек. Стоят, шевельнуться и дыхнуть боятся, только глазами зыркают. А леший приблизился и стал им в лица заглядывать, будто искал, кого бы схватить и уволочь. Страшно, аж оторопь берет! И верно: трехглазый, бородатый, на голове то ли шапка рогатая, то ли волосы у него дыбом стоят – в сумерках не поймешь. Руки длинные, могучие, но вместо ногтей вроде пальцы, и зловоние от него исходит, как от бомжа на Сумском вокзале.

Среди этих трех хохлуш Любка Когут была женщиной хоть и самой молодой, но разбитной, бывалой и находчивой, поскольку успела потомиться в сексуальном рабстве аж в Саудовской Аравии. Верно, насмотрелась она там на всяческих мутантов и тут скорее всех с собою совладала – когда леший ей в лицо заглянул, вынула из кипы блок и в лапы ему сунула. Показалось ей, он сигарет просит. И точно, взял! Рыкнул только, гривой своей потрянул, ослабилась и убежал в сторону России.

То есть он, может, и мутант, но человеческие дурные привычки ему не чужды: раз взял «Мальборо», значит, курить приучен.

В общем, откупились женки таким образом, подхватили свои кубометры контрабанды и галопом в условленное место, где их поджидал грузовик.

Привезли они товар в свое Братково и, чтобы сердечного припадка от страху не случилось, собрались у Любки, выпили, расслабились и давай обсуждать, кто что успел заметить.

Оказалось, каждая из трех видела своего мутанта: у одной он был угрюмым детиной в шкурах и с рюкзаком за плечами, у другой – напротив, веселый, босый и бесштаный, причем мужское достоинство на виду болтается. Третьей же показалось, будто чудовище было в набедренной повязке, лицо черное, как у негра, за спиной вовсе не горб и не рюкзак, а лук со стрелами, как у первобытного человека. А еще Любка Когут разглядела, что два глаза у него расположены, как у обыкновенных людей, только вытаращенные, круглые, но третий –

во лбу и узкий, прищуренный, словно дремлющий, и лучше в него не смотреть – ужас охватывает. Еще почудилось ей, мутант этот был беззубым, как старик, хотя бабке Сове являлся зубастым и с хищным оскалом. Но все три контрабандистки сошлись на одном: фигурой и образом своим этот леший очень уж похож на Дременко – исполняющего обязанности головы украинской братковской администрации. Особенно Любка порезвилась на этот счет: мол, если на него вывернутый тулуп надеть, неделю не брить да сажей помазать, как делают на святки ряженые, – так вылитый! И «Мальборо» курит!

Однако предупредила своих товарок, чтобы о такой догадке помалкивали, не то Тарас Опанасович рассердится и перекроет трафик. Те языки прикусили, но самой этой стервозной Любке не утерпелось, и пошел гулять слушок, пока еще не громкий, вкрадчивый и липучий, как жвачка. А его надо было глушить на корню, поэтому Дременко отправился к бывшей секс-рабыне – дождавшись сумерек и крадучись: он хоть и вдовец, но накануне выборов лишние разговоры ему ни к чему.

Любка же Когут за несколько лет на воле после побега из Саудовской Аравии на контрабанде сигарет так поднялась, что коттедж себе выстроила в престижном месте села, высоким забором обнесла и завела двух кавказских овчарок. Не мести своих заморских господ опасалась, а чтобы местных мужиков отвадить. Проституток в Братково только на учете стояло десятка полтора. А этим мужикам, видишь ли, Любку подавай, которую они считали самой заманчивой и дорогой, возможно, как раз по причине ее прошлого, когда она, будучи невольницей, оказывала услуги всяким шейхам и нефтяным королям. Однако вернувшись в родное село, она завязала со своим ремеслом, успешно занялась бизнесом и теперь отбивалась от потенциальных клиентов с помощью цепных псов.

Дабы не тревожить собак, Дременко заранее позвонил Любке и пришел к назначенному часу. Она впустила его через черный ход, видно, решила, что голова явился за тем же, за чем и другие мужики, и, верно, вздумала для него сделать исключение. А иначе бы не нарядилась в восточный наряд для танца живота, который с порога же привел Тараса Опанасовича в ярость. Он-то шел лишь строго предупредить, чтоб не болтала и чтоб свои слова назад отыграла, распустив молву, например, что мутант не на него похож, а на таможенника Волкова. Ну и «Мальборо» хотел прикупить по дешевке. Тут же узрел, как она перед ним своими прелестями трясет, ну и взбесился.

– Та я же ж тебе посаджу! – закричал без всякого вступительного слова. – За контрабанду и простытуцию! З конфискацией особыстого майна! – И пообещал вовсе в тюрьме сгноить.

Напугать Любку было трудно – бывалая женка. Только огрызнулась, мол, попробуй, и еще пригрозила овчарок спустить. Дременко в сердцах дверью хлопнул, убежал, однако потом опамтовался, что недостойно себя вел, не как голова администрации. И все потому, что привлекательная она была, зараза, приятная во всех отношениях, а ему по положению не то что разговоры с ней вести, а и смотреть-то не полагалось. В общем, тяжелый осадок остался. Любка, однако же, напугалась, бросила контрабанду, поручила своим товаркам собак кормить и на следующий же день убежала за границу – к своей тетке на российской половине Братково. И сразу вроде бы слухи пошли на убыль...

Да только ненадолго, ибо вскоре случилось событие, которое потрясло оба государства сразу.

По линии братковской границы китайцы железобетонный забор возводили – все для того, чтобы остановить дикую, неуправляемую контрабанду. На это строительство существовало давнее межгосударственное соглашение, то есть политическая воля была и материалу вроде бы в досталь – аккуратные и бережливые немцы, когда демонтировали берлинскую стену, то ломать ее не стали и прислали в Россию, в качестве гуманитарной помощи. Хватало также и техники, и электроэнергии, и финансов, но если в Берлине ее установили за одну ночь, то здесь строили уже много лет, и все потому, что ни москали, ни хохлы не хотели терять своего

бизнеса, сами откровенно саботировали работы и никому не давали. Возводили стену всем миром, как гидроэлектростанции в добрые старые времена, и перебивали в Братково представители всех бывших союзных республик. Начинали стройку неторопливые и равнодушные ко всему прибалты, приглашенные украинской стороной, однако скоро уехали – из-за распрей на национальной почве: их начали лупить как хохлы, так и москаля. Киевская власть потеряла интерес к этому важному объекту, но московская сторона, напротив, стала вкладывать еще больше сил и финансов, поэтому привозила узбеков, таджиков, армян, молдаван и даже турок. Но более года-двух никто выжить в этих краях не смог физически, несмотря на высокие заработки: или отловят и поколотят демократично и современно бейсбольными битами, или строгительные вагончики с гастарбайтерами подпалят, как во времена классового боя, а чаще совсем уж по-партизански – ночью обстреляют из шмайсеров, причем одновременно с двух сторон. Однажды вовсе устроили теракт, подложив под почти готовую стену семь килограммов в тротиловом эквиваленте, – двенадцать пролетов вдребезги разнесло.

Само село еще кое-как разгородили по демаркационной линии, на гребень спираль положили из колючей проволоки, фонарей навешали, таможенный пункт открыли по евростандарту, с КПП, увенчанной сталинской монументальной башней с флагами, и заказали в Германии башенные часы, чтобы время было видно отовсюду. А пока их не привезли, Волков и Вовченко устроили там наблюдательные площадки, каждый в свою сторону, чтоб приглядывать, в каком направлении движутся товаропотоки. Это была не просто самая высокая точка в селе, откуда открывался вид сразу на два государства и создавалось ощущение, будто паришь над землей и над крышами домов; государственные флаги, полотнища которых плескались над самой головой, наполняли чувством принадлежности к высокой власти – будто на трибуне стоишь, на вершине пирамиды, а под тобой нечто вроде бесконечного парада, которым ты управляешь одним лишь мановением руки.

В общем, так оно примерно и было, поскольку таможенники в Братково пользовались непререкаемым уважением и большой властью. Особенно в самом начале, когда только границу оборудовали. Волков с Вовченко вообще были как жрецы, а таможенная башня храмом: бабки на нее крестились, а вместе с ними и главы администраций уважительно снимали шапки, ибо деньги в бюджет потекли рекой. Укрошенные же было контрабандисты плевались на башню и грозились сровнять с землей, но потом попривыкли и угомонились, отыскав иные пути переброски товара. И если КПП были чистилищем, поскольку всякий проходящий и проезжающий, как пред вратами рая, должен был ответить за грехи свои, то смотровые площадки и вовсе считались святой святых, куда был заказан вход простым смертным.

А сама железобетонная стена, разделяющая село, превратилась в некрополь. Использовать ее в качестве усыпальницы первому пришлось в голову предприимчивому Пухнаренкову, который стал успешно продавать состоятельным контрабандистам почетные места для захоронения под стеной и впоследствии открыл бюро ритуальных услуг. С опозданием, но и Дреченко решил не отставать и со своей стороны границы нарезал участков под могилы и тоже открыл аналогичное бюро. Поскольку же деревни заглохали, то народ устремился на жительство в районные центры, и сорванные с родных мест старики в Братково более года не выдерживали, умирали от тоски, так что похоронный бизнес процветал чуть ли не наравне с контрабандой. Однако скоро под стеной в пределах села места почти не осталось, и тогда Пухнаренков придумал хоронить народ не в обычных могилах, а в скважинах и стоя. Дреченко и в этот раз не отстал, тоже приобрел буровую установку, плотность захоронений сразу же повысилась вчетверо, а цены остались прежние. К тому же глава российской администрации еще дальше пошел: за особую плату либо выдающиеся заслуги можно было предать покойного земле на контрольно-следовой полосе, тянущейся вдоль всей границы. Это, считай, как под кремлевской стеной лежать, а вернее, стоять. В родительские и прочие дни, когда поминают усопших, стена превращалась в стену плача, а в другие еще и служила местом расклейки объявлений и

рекламных плакатов. Короче, бывший берлинский символ холодной войны сразу же стал не столько преградой на пути контрабандистов, а скорее, культовым, священным местом.

А как вышли строители за пределы Братково, тут и началась партизанщина. Самыми упорными оказались турки, которые отдельными участками выстроили стену верст на пятнадцать в каждую сторону. Однако соединить все в единый заслон и им не удалось. Колючкой прораны заштопали и даже ток пропустили, но все контрабандисты уже имели свои «окна» на границе, запас резиновых галош и перчаток, так что поток незаконных товаров ничуть не уменьшился.

Лишь когда привезли пятьсот китайцев с Дальнего Востока, дело наконец-то пошло. Им привычно было стены строить, и в считанные месяцы они много дыр позалатали, невзирая на грозящие опасности. Все потому, что по-восточному драться умели, чуть прижмешь их, сразу карате показывают, визжат, пинаются больно. Ни стрельбы, ни терактов не боятся, и друг за друга горой стоят, действуя, как некая тугая глиняная масса, от которой не отщипнуть и крохи. Местные жители подивились и растерялись перед неслыханным единством, отступили, стали затылки чесать, придумывая, как с китайцами сладить.

Пожалуй, довершили бы дело китайцы, но внезапно ночью в их стане поднялся страшный переполох и в мгновение ока этот живой организм распался, расплылся на пятьсот частей, разбежался с вытаращенными глазами и попрятался в укромных местах – кто в соломе, кто в колодце, кто под застрехой, как воробей, кто вообще в песок закопался либо под лесным мхом укрылся, словно жук. И говорили, будто двоих видели в партизанских катакомбах на второй заставе: одного оттуда выкурили, а второй так и остался под землей.

Случилось это спустя пару суток после того, как украинские женки встретили мутанта. Милиция обоих государств всполошилась и давай выуживать китайцев по одному да свозить в кучу, а они все безумные, невменяемые, лопочут что-то, трясутся, то на землю, то на небо показывают. Наконец-то изловили их переводчика, кое-как привели в чувство, после чего тот путано, с пятого на десятое, объяснил, что ночью к ним в лагерь явился то ли дух здешней земли, Сунь Хунь по-ихнему, пришедший забрать их в свои владения, то ли дьявол, перевоплощенный в образ Чингисхана. Будто ногою он топнул, и разверзлась земля, так что часть стены, автокран и несколько бытовок улетели в бездну. А потом натянул свой лук, пустил стрелу – ночное небо раскрылось, и оттуда посыпались драконы. Напустив таким образом дикого ужаса на суеверных китайцев, он вынудил их немедля бежать, куда глаза глядят.

И на самом деле, два пролета уже готовой стены, автокран и четыре вагончика со стройплощадки исчезли бесследно, если не считать глубокой свежей борозды поперек границы, словно пропаханной богатырским плугом. Когда же милиционеры стали изучать ее природу, то обнаружили, что это всего-навсего просадка грунта, образовавшаяся из-за обрушенного подземного тоннеля, – нашли уцелевшие вход на российской и выход на украинской стороне.

Тут впервые и открылось, что хитрые китайцы параллельно со строительством стены, вероятно, по договоренности с контрабандистами или по собственным, далеко идущим планам, в укромных местах тайно копали подземные ходы под нею, да такие, что можно без труда проехать на легковом автомобиле!

По описанию, напугал гастарбайтеров все тот же мутант, только, на восточный взгляд, еще и огнедышащий и умеющий читать чужие мысли. Дело принимало нешуточный оборот, о происшествии сообщили в Москву и Киев, откуда пришли указания разобраться и принять меры.

Когда китайцев выловили и заперли в пустующем коровнике, дабы решить вопрос, оставить их на стройке или депортировать, приехал глава российской Братковской администрации, Пухнаренок, лично курирующий стройку. В прошлом, да и, скорее, в настоящем тоже, он был майором КГБ и варягом, присланным из Брянска управлять сложным пограничным районом. С виду вроде бы интеллигентный, очень вежливый, с тихим голосом, заставляющим все время

внимательно прислушиваться к его речи. Но если присмотреться, то можно было заметить, что взгляд у майора либо полностью отсутствовал, либо был неуловим, как у косоглазого, – никогда не поймешь, куда глядит. И от этого создавалось впечатление, будто он все время ускользает и перемещается в пространстве, словно мерцающий призрак.

И в коровнике Пухнаренок возник внезапно, отчего перепуганные китайцы оживленно встрепенулись, прищурили вытаращенные глаза, сжались в кучу и вновь обратились в вязкую гончарную глину.

– Пусть отдохнут день-другой, – заключил глава, удовлетворенный произведенным эффектом, – и приступают к работе. Депортировать не будем.

– Слюсаюся, товалися-господина! – закланялся переводчик и он же бригадир. – Китайса лабота-лабота холосо! Если насяльника мутанта лови-лови.

– Поймаем, – пообещал бывший майор.

На том бы инцидент был исчерпан, однако в это время на ферму черти принесли Дременко. Он припоздал и потому ворвался, как выпущенный из клетки кабан. И вмиг произошло невероятное: образумившиеся было китайцы всклубились пылью и размазались по каменной кладке, полу и даже потолку с криком:

– Сунь Хунь! Сунь Хунь! Насяльника, лови-лови!

И вся эта клейкая масса, словно водоросли, потекла к выходу, так что начальство едва успело выскочить и затворить за собой тяжелые двери. Дременко был смущен, растерян и даже напуган, однако невозмутимый Пухнаренок лишь усмехнулся и не без намека спросил:

– Как вы полагаете, Тарас Опанасович, отчего у китайских товарищей столь неожиданная реакция? На ваше появление?

И, не дождавшись ответа, сел в автомобиль и уехал.

Кто-кто, а уж этот чекист все слухи знал (если только сам их не распускал!), анализировал и делал соответствующие выводы, поскольку в тот же день за безумными гастарбайтерами прислали автобусы и депортировали на родину. Кроме одного – что скрылся на второй заставе.

Короче, все версии внешнего вида мутанта, но с одним, порочащим Дременко, заключением пошли гулять по обоим соседствующим районам двух государств. А народу что, ему дай только над властью посмеяться, время-то вольное началось, никакого уважения и почитания. Тарас же Опанасович ждал выборов головы и утверждения на должности, поскольку отработал на посту два срока, собирался на третий и уже почти год ходил исполняющим обязанности. И сильно переживал и страдал оттого, что депутат Верховной Рады пан Кушнер из соображений демократичности внезапно назначил ему конкурента, москаля Волкова с украинского таможенного пункта, проживающего в незаконном браке со сводной сестрой пана, Тамарой. Жрец таможенного храма, кроме этого, обладал еще одним преимуществом – моложе был лет на пятнадцать и оттого отличался пронырливостью, умел высокому начальству пыль в глаза пускать и втираться в доверие. Несколько месяцев Дременко ломал голову, за какие такие заслуги на бывшего председателя райисполкома счастье повалилось, и мало-помалу раскопал причину. А когда раскопал, то сам испугался и относиться к Волкову стал с осторожностью: оказывается, тот был повязан с паном Кушнером «сладким делом», когда мимо таможни было переправлено на российские спиртзаводы пятьдесят вагонов сахара-сырца. Считай, два состава, и это без железной дороги, без колонн грузовиков, можно сказать, в карманах перенесли – даже въедливый российский пограничник Чернобай ничего не заметил! А другой жрец, таможенник Вовченко, замордованный допросами, чуть не покончил с собой. Журналисты в обоих государствах попрыгали, пошумели, имя депутата слегка потрепали, но, как и следователи, только два факта отбили: сахар на Украине таинственным образом растворился и, уже обезличенный, материализовался на Кавказе.

Волков имел сильное влияние и на мелких контрабандистов, а поскольку этим бизнесом занималось полрайона, то мог, если не испортить дело, порядком навредить. И хоть назначат

головой того, на кого пан Кушнер пальцем укажет, однако выборы все равно проводить придется, и тут таможенник может крови попортить.

Бывший секретарь райкома имел единственный недостаток – прошлое служение партийному режиму, а в остальном биография его была безупречна, к тому же старый грех он искупил, будучи активистом на киевском майдане. Таможенника Волкова он знал как облупленного и даже когда-то лично снимал с работы – когда его первая жена похищала социалистическую собственность в особо крупных размерах, а муж ее делал вид, будто ни сном ни духом. При желании можно было тогда преспокойно посадить на нары нынешнего конкурента, да кто бы знал, что так случится? Напротив, подсобил ему остаться на воле, и, выходит, – на свою голову. Вороватость бывшего предрика сейчас расценивалась как способность к предпринимательству, да мало того, таможенник теперь представлял все дело так, якобы еще в те времена боролся с советской властью и от нее же пострадал! И, подлый, чтоб угодить Сильвестру Марковичу, жениться обещал на его сестре, которую все хохлы и москали стороной обходили из-за ее непомерно огромного роста, толщины и физической силы и которая по этой причине в тридцать пять оставалась старой девой.

Волков бы и фамилию на украинскую сменил, да запретили, поскольку один Вовченко уже был и тоже работал начальником таможенного пункта, только российского.

В общем, поплыли по округе такие сплетни, будто это не мутант шастает по лесам, а сам Дременко страдает тайной болезнью, потому раздевается догола, обряжается в вывернутый тулуп и в полнолуние выходит на тропы, чтоб людей пугать. Дело в том, что Тарас Опанасович от природы был слишком волосатый, брился по три раза на дню, когда приезжало начальство. Рост волос у него зависел еще и от внутреннего состояния: как только жизнь чуть наладится, то и борода тише растет, но если начинались волнения и стрессы, то есть на нервной почве, она могла за день на вершок вырасти. Кроме того, густая, рыжеватая шерсть покрывала все тело, в том числе даже пальцы рук до самых ногтей, так что в бане он мылся шампунем для головы и без мочалки. Скорее всего, потому и зашумели повсюду о лунатизме исполняющего обязанности главы, да так назойливо и убедительно, что все это попало в незалежную прессу. Даже мутную какую-то фотографию мутанта напечатали, якобы снятую на мобильный телефон Любкой Когут. И рядом – словно для сравнения, его фото с зимней охоты на вепрей, где Дременко стоял в волчьей шубе, немного выпивший и мутный. Прилагаемая статья была безобидная, но намек настолько ясный, что он сам начал сомневаться в своем здоровье: говорят, человек не помнит потом, где был и что делал. Поэтому наказал дочери своей, Оксане, присматривать, спокойно или нет он спит по ночам, мол, служба у него нервная и психика изрядно поизносилась. Засидевшаяся в невестах Оксана работала врачом на «неотложке», все последние сплетни знала, ко всему привыкла, дала успокоительное, сделала йодную сетку на область сердца и посоветовала не обращать внимания, что люди плетут.

Конечно, пан Кушнер вряд ли поверит в эту коварную молву, доказательств-то никаких, хотя, если ему со всех сторон начнут петь в уши, может посчитать, что рейтинг у Тараса Опанасовича в районе упал, и по этой причине даст отставку, чтоб назначить свояка. Но Дременко был опытным номенклатурным работником, потому заготовил козырь не только против соперника, а на всякий случай и на самого Сильвестра Марковича компромат собрал.

Депутат Верховной Рады довольно часто приезжал в Братково не только по государственным делам, но и на отдых, или чаще совмещал полезное с приятным, особенно когда привозил с собой батьку Гуменника, представителя президента, большого любителя охоты. Про него никто толком ничего не знал, однако, судя по поведению депутата и по тому, что батьку приезжал с телохранителем, можно было догадаться: по положению он даже выше, чем пан Кушнер, и пользуется покровительством президента. И это несмотря на молодость и бесшабашный, даже отчаянный его характер, что было редкостью у политиков такого ранга. Гуменник и его телохранитель Лях носили униформу, напоминающую ту, что носят наездники с ипподрома, –

галифе, хромовые сапоги, рубашки с нашивками в виде трезубца, к тому же батько всегда был со стеклом. При этом у обоих имелись длинные оселедцы на бритых головах, вислые усы, а у Гуменника еще и золотая серьга в ухе. Кроме того, он курил настоящую запорожскую люльку, но, скорее, для полного антуража. Подобный наряд местным казался непривычным, странным и оттого потешным, однако в присутствии батьки Гуменника никто не смеялся, хотя за глаза его называли бандерой. Больно уж строгий был, не улыбался и страстно увлекался охотой, чем доставлял много хлопот – любил пострелять зверей, птиц или просто в цель, для чего привозил с собой ружья, винтовки и даже автомат. Дременко раньше и сам любил охоту, особенно когда секретарем райкома был, и ездил обычно зимой на крупного зверя, медведей брал на берлогах, как раз в районе второй партизанской заставы. Теперь приходилось устраивать забаву для столичных гостей, но уже не в глухих брянских лесах, а на брошенных колхозных землях и на тварей меньших размеров – косуль, кабанчиков, птиц. Для этого он содержал зимовье со всеми удобствами, егеря, а на запущенных лесных полях обязывал фермеров сеять овес напополам с горохом.

Однажды Сильвестр Маркович приехал один, чем-то сильно озабоченный, и сразу потребовал выезд на природу. Тарас Опанасович доставил его в угодыя, где высокий гость настроил косуль и немного развеялся. Как и положено, выпили, вкусили свежатинки и легли спать. Без пана Гуменника отдых проходил спокойнее, ночных пьянок со стрельбой не устраивали, однако в связи с отсутствием телохранителей у депутата Тарас Опанасович не имел права расслабиться и в присутствии государственного лица спал вполглаза. И вдруг слышит, пан Кушнер разговаривает по телефону на чистейшем английском, да так бойко, ну что тебе американец настоящий. Дременко это оценил и еще больше зауважал депутата. И только глаза прикрыл – опять звонок, однако на сей раз пан отвечал на испанском, и по тому, как часто повторял слова «команданте» и «Куба», Тарас Опанасович с внутренним трепетом осознал, что гость говорит если не с самим Фиделем Кастро, то наверняка с его другом Уго Чавесом, причем как со старым товарищем. Когда же под утро пан Кушнер поговорил еще с кем-то на идише, обсуждая события на Ближнем Востоке, а потом на польском, который был знаком многим хохлам и самому Дременко, пораженный голова и вовсе убедился, что депутат Верховной Рады – политик глобального, мирового масштаба и даже на охоте не знает покоя, решая важнейшие дела.

И сохранил бы это впечатление, но Сильвестр Маркович внезапно ответил на очередной звонок на чистом москальском языке, причем слегка по-нижегородски окая. Затем покопился на притворяющемся спящим голову района и на всякий случай вышел из зимовья. Ага, с дальним зарубежьем говорить при нем не стесняется, а с ближним – так сразу уединился! Тарас Опанасович выждал и осторожно следом. На улице затаился, стал подслушивать и по обрывкам фраз, упоминаемым именам понял, с кем беседует депутат, причем с придыханием, уважительно, как будто подчиненный:

– Слушаю, Борис Вячеславович! Добро, Борис Вячеславович! Исполню, Борис Вячеславович! Передайте это Владимиру Владимировичу!

Дременко в первый миг ошалел, но подготовка в киевской Совпартшколе даром не прошла: быстро сориентировался и совершил то, о чем минуту назад и подумать было страшно. Вернулся в зимовье, приставил пустое ведро к двери вместо сигнализации, а сам депутатскую борсетку открыл. А там никаких улик – украинский паспорт, зарубежный служебный, удостоверение Верховной Рады, еще какие-то бумажки и деньги. Тогда он к пиджаку, ощупал дорожную ткань, но и там ничего!

Дременко имел представление, что такое высшие государственные интересы, и в первый миг многоликость депутата к ним и отнес. Положил все на место, нырнул в свой спальный мешок и затаился, но стали его терзать сомнения: кто пан на самом деле? На который орган работает – на Раду или Думу? Кому законы пишет? И наконец, москаль он или хохол? А может, вообще ни тот, ни другой – эвон сколько языков знает!

И стал Тарас Опанасович с той поры незаметно присматриваться, прислушиваться к депутату, и все детали поведения его фиксировать, и подвергать анализу самые мелкие факты. Поначалу все больше склонялся, что Сильвестр Маркович Москвой в Украину заслан: во-первых, сестра его, Тамара, на российской стороне осталась и гражданство имеет соответствующее, однако же он ей всячески помогает. Во-вторых, в каждый свой приезд непременно ходит за границу и там встречается не только с сестрой, но и с Пухнарнковым – какие-то дела они обсуждают, ездят куда-то вместе...

У Тараса Опанасовича отношения с бабкой Совой были свойские, друг друга сватом и сватьей звали – Оксана-то все еще ждала внука ее, Юрка. К тому же козел Степка всю облицовку капота на «форде» рогами расколотил, так Елизавета Трофимовна виноватой себя чувствовала и была сговорчивой. Наведался к ней и осторожно стал склонять старую партизанскую разведчицу к сотрудничеству, чтоб приглядела за паном Кушнером на российской территории. Елизавета Трофимовна никак не понимала сначала или прикидывалась, однако для дорогого гостя сразу – бутылку на стол, закусок, солений-варений – гостеприимная была. Дременко хватил рюмку, и чуть сердце не остановилось. А в его половине Братково горилку гнали из буряка, и, что ты с ней ни делай, – все равно вонючая и крепости не той.

– Ты из чего гонишь? – спросил. – Это же чистый спирт!

Она мешок показывает, а там сахар-сырец. Ну и поведала, дескать, хотела новых камней в баню на каменку набрать, ночью пошла с тачкой на границу, где китайцы стену возводили, погрузила два мешка бута и привезла. Дома развязала, обнаружила сахар, так еще дважды сгоняла на стройку. Потом горилки семь четвертей нагнала, мол, чувствую, скоро Юрко должен вернуться, так встретить надо, как полагается, и на свадьбу горилка потребуется.

– Уже под утро поехала в третий раз, – призналась вдруг бабка Сова. – Думаю: стравлю все на горилку, а чаю с чем попить не останется. И у траншеи встретилась с крестником своим, Мыколой Волковым. Который теперь на таможне служит. А с ним еще демутат был. Ну, думаю, сгубила жадность, попалась, арестуют, и Мыкола не поможет...

– Какой демутат? – не смог скрыть изумления Дременко.

– Да этот ваш, хохляцкий, Кушнер. Важный такой... Но сам будто меня испугался и сразу в машину сел. Спрашиваю у крестника: ты чего тут делаешь? Говорит, слежу за китайцами, чтоб контрабандой не занимались. Мол, а ты-то зачем сюда так рано пожаловала? Он ведь теперь гордый стал, задачливый... Я и сказала, дескать, камней в баню взять. Так крестник набрал мне полную тачку и еще довезти помог. Что же это творится, сват? – пожаловалась еще. – На чем китаезы стену-то воздвигают? Ведь до осени не простоит, пойдут дожди, комковой сырец размокнет, она и завалится...

Дременко посоветовал Сове помалкивать, дескать, сахар-то, получается, украла, арестуют. Но сам в тот же момент понял, каким образом Волков с паном Кушнером провернули крупномасштабную контрабандную операцию.

А между тем братковского мутанта стали видеть чаще и в разное время суток, так что создавалось впечатление, будто он не один шастает, а, скорее всего, началось их нашествие. Встречали неведомых существ исключительно представительницы слабого пола, причем обоих государств, и почти в одно и то же время, отчего возникло подозрение, что твари эти, ко всему прочему, еще и маньяки: женщины белье полоскают на речке, а дитя черныбыльской катастрофы встанет поодаль в кустах и наблюдает. К ним уже привыкать стали, самые смелые подходить близко еще не решались, но окликать пробовали, заговаривали, подзывали и даже пищу оставляли, только дикари эти не брали. Почтальонка на велосипеде ехала, так мутант настолько осмелел, что выскочил на дорогу прямо перед ней и в руль вцепился. Дивчина, привыкшая к злым собакам во дворах, не растерялась, сумкой его огрела и налегла на педали. На Дременко, конечно, был очень похож, все отмечали, но ведь не полнолуние на дворе, к тому же у и.о. головы железное алиби – он в это время проводил заседание в администрации.

Дед Куров целый день ходил по лесу, всю вторую заставу прошел, потом первую на четвереньках излазил, но говорил, мол, даже следов не нашел. Одну ночь где-то в засаде просидел, следующую с револьвером в кармане окрест села бродил, чуть ли не уподобившись мутанту, но вроде бы опять, кроме контрабандистов, никого не встретил. Хотя верить старому партизану было трудно, и увидит кого, так под пыткой не признается. Это не то, что его болтливая бабка Сова.

Одно было известно точно: дед напоролся на милицейский патруль, который тоже кого-то караулил и который поставил ветерана, невзирая на возраст, под автомат, обыскал и отнял наган. Едва отбоярился от содержания под стражей за незаконное хранение и ношение оружия и по старости был выпущен под строгий домашний арест.

Ну ладно дед – Шурка Вовченко каждый день мутантов искал в свободное от службы время. Да и на службе через телескоп все окрестности Братково осматривал, вынудил пограничника Чернобая видеокамеры перенацелить с государственной границы на подходы к ней и настроить так, чтоб реагировали на всякое движение.

Хоть бы один раз это чудо природы попало на глаза или в объектив!

А Оксана Дременко побежала по вызову в Россию – у Котенко жена, считай, каждый год рожала, а тут до срока ей приспичило. Москали же все укрупнялись и потому свой роддом из Братково перевели в Теткино. Так вот, врача «неотложки» этот леший скараулил на пустыре неподалеку от таможни. Выпрыгнул из темноты, стервец, за руки схватил своими мохнатыми лапами, держит, а сам в лицо ей смрадом дышит и рычит. Испугать дипломированного доктора было непросто, она даже воскресших покойников не боялась, ибо одно время в реанимации работала.

– Ну и що тобі треба, мутант ты атомный? – спросила. – Що шукаеш-то, дьво болотне? Спырту немає, наркотыкив немає, одын йод залышывся! И простроченый норсульфазол.

От ее такой речи леший словно замороженный сделался, выпустил медичку, а та бегом на таможню и в калитку застучала. Дежурил сам Николай Волков и, поскольку учил мову, не спал, границу отворил и сразу оживился при виде первой красавицы.

– Ксаночка, ластивка моя! – в тот час же распустил перья известный на всю округу бабник. – Ну, иди до мене! – И приобнял, в щеку чмокнул.

Несмотря на конкуренцию с отцом Оксаны, отношения у них оставались свойские, игриво-приятельские, как у потенциальных женихов с засидевшимися в невестах дивчинами. Когда у Волкова жену посадили, а ее Юрко все еще алмазы в Якутии добывал, Мыкола всерьез думал посвататься к первой красавице Братково. Но она тогда еще совсем казалась недоступной, на всех мужчин поглядывала с брезгливостью, да и к самому Дременко было на кривой козе не подъехать. К тому же мешали отношения с крестным, дедом Куровым, который считал Оксану чуть ли не своей снохой. Но с годами ожидания и перед угрозой оказаться в старых девах она утратила былую надменность, обтерлась, как долго носимый последний пятак в кармане, и начала потихоньку поблескивать для всех. С нею даже стало можно душевно поговорить, но редко, лишь в тех случаях, когда сама того захочет.

Привычная к приставааниям мужиков, дочка головы администрации постояла смирно несколько секунд и спросила:

– Ну что, потискал?

– Ох, и солодка ж ты дивчина! А який от тебе аромат, м-м! – Мыкола хоть и пытался говорить на украинском языке, но все сбивался на не пойми какой.

– Да я вспотела вся, бегаю с утра...

– Та ж це и смачно! Ох, и зыв бы я тебя, смаковитую! Она вывернулась:

– От одного мутанта только что вырвалась, тут другой...

– А шо, и ты мутанта бачила?

– Возле твоих ворот бродит! Вон, смотри, на руках синяки остались. Лапами своими схватил! Хоть бы ты вышел, отогнал...

– Тю! А дальше-то шо было?

– Да ничего, – отмахнулась Оксана. – Некогда мне... Москальская таможня открыта, нет?

– Вовченко з прикордонником до своих хат пиихалы, – «блистал» мовой таможенник. – Сидай! Расскажи про мутанта.

– В другой раз. У Котенко жена рожает... Я через калитку махну?

А Волков руки растопырил и впрямь, как мутант, схватить норовит – ему бы только позабавиться от скуки и пока Тамарка его не видит:

– Не положено, священне порубежье!

– Какое там порубежье? У Ленки воды отходят!

– Без особыстого догляду не можна! Ты шо за пазуху сховала, Ксаночка? Побачить треба!

А в баульчике наркотики е? В декларацию вноси!

– Хватит дурачиться, Мыкола! Лучше помоги через калитку перелезть!

Оттолкнула его и к российской стороне. У таможенника форменная фуражка свалилась и обнажила бритую голову с оселедцем на макушке. И настолько он показался потешным, что Оксана не выдержала, рассмеялась и шлепнула по лысине:

– Ты что это со своей башкой сотворил? В зеркало бы посмотрелся – на кого похож! Чучело!

Тот поспешно фуражку напялил до ушей, затосковал и сразу мову забыл:

– Мне сейчас положено в форме быть... А ты сразу «чучело»...

– Ладно, не сердись. Это что за форма такая? Волков огляделся, сунулся к уху и зашептал:

– Да этот, бандера... когда приезжал... батько Гуменник... И заставил. Чтоб его мутанты поймали! Мол, ты на таможене лицо государства... А пан Кушнер поддакнул...

– У нас же тут чубов не носят!

– Так и я не ношу, – по секрету сообщил он и ловко сдернул с головы лысину вместе с оселедцем. – Это парик такой! За двести гривен купил в Харьковском театре. Только ты молчи, Ксаночка...

– И на что тебе этот спектакль играть?..

– А что мне делать, сама подумай? Я же кандидат на голову администрации. Конкурс у нас с твоим папашей...

– Да вы оба с ним с ума посходили! Какого-то ряженого да хохлатого петуха слушаете, рты разинули... Эх, мужики!

– Мне что, всю жизнь здесь сидеть? – возмутился Волков. – Думаешь, я по своей воле?..

И осекся.

– Знаю, знаю, Тамарка посадила. – Показалось, вздохнула с состраданием. – А впрочем, что не сидеть-то? Со всех сторон взятки дают, богатое место...

– Кто дает? – Он снова напялил парик. – Через таможню давно товары не носят и не возят. У всех свои «окна» для трафика... Торчу тут, как идиот. Я, между прочим, управленец, институт закончил, мне еще сорока нет. Прирожденный аналитик и организатор, а вынужден заниматься черт-те чем! Налоги собирать, людей обыскивать, тряпки в сумках считать...

Оксане и впрямь стало его жаль.

– Бедный Мыкола, – вздохнула по-бабьи. – И жениться тебе пришлось на Кожедубихе...

– Мы с ней не расписаны, так что...

– А ты без парика даже симпатичный! – заметила она и потрепала короткий ежик на его голове. – Вид мужественный...

У него от таких слов на миг дыхание перехватило, однако он сделал вид, что дышит нормально, ибо знал, как Оксанка умеет заводит мужиков. Причем заведет, пококетничает и тут же жестко отошьет – из спортивного интереса, характер такой... И теперь спохватилась:

– Ладно, некогда болтать, Котенко родит.

– Тебе самой рожать пора!

– От кого ? От мутанта, что ли ? А то, может, от Чернобая? Родишь тут, как раз!

– Жених-то когда приедет?

– Пропал где-то в Якутии мой жених, – без особого сожаления вздохнула она. – Ты, Коль, подсади меня через калитку.

Он был готов посадить и от предвкушения даже встряхнулся, как мокрый кобель, с головы до хвоста. Оксана по-летнему была в одном только белом халатике, а под ним почти ничего...

Но вовремя вспомнил:

– Чернобай ток включил! Смотри, каких проводов навешал! Триста восемьдесят вольт!

– Откуда ток, если в селе свету нет?

– То у нас, а у москалей току богато. Одни пуговицы останутся...

Еще недавно через границу бегали свободно, однако года полтора назад Пухнаренокв пристроил своего племянника Митю Чернобая начальником погранпропуска. Этот юный прапорщик сначала никакой опасности не вызывал, проверял паспорта и на всех смотрел жалобно, словно пощады просил. Но через пару месяцев службы что-то с ним начало происходить: взгляд посуровел, плечи распрямились, и даже форма, прежде висевшая на нем, словно мешок, натянулась, отгладилась и ярко зазеленела, как весенняя трава. Митя превратился в прапорщика Чернобая, и эту фамилию произносили трепещущим шепотом: то в паспорте точки не найдет, то она не там поставлена, то фотография не так приклеена. За год он пограничных столбов вдоль стены наставил и КСП заборонил, таким образом создав госрезерв земли под кладбище. А еще видеокамер навесил и повсюду проволоки намотал под напряжением.

– И что мне делать?

– Подожди, придут Чернобай с Вовченко – откроют границу, – отнял сумку, взял под ручку и повлек в сторону хода на башню. – Ты пока научи меня произносить слово «поляница». Не могу добиться хохляцкого звучания.

– Тебе зачем?

– Батько Гуменник экзамен будет принимать. Государственный язык...

Оксана высвободилась, забрала баул.

– Эх, Мыкола, и дурень же ты! Этот Гуменник потешается над тобой, издевается, что ты кацап. И не быть тебе головою, хоть и вправду башку обрей и мову выучи.

– Как же не быть? Сильвестр Маркович обещал!

– Развели тебя, Мыкола, ты и поверил... А головою тату моего назначат.

– Ты это точно знаешь?

– Все, пойду «окно» искать. Волков заступил дорогу:

– Оксана... Скажи по секрету! Что-нибудь конкретное слышала? Про назначение...

Она взглянула с бабьей жалостью:

– Ты, Николай Семенович не расстраивайся. Тебя и на таможеню поставили, чтоб ты родственницу пана Кушнера замуж взял. Не распишешься с ней, и отсюда прогонят. Так что подумай, Мыкола!

И гулко застучала каблучками. Волков и слов не нашел, что ответить, постоял, словно зачумленный, потом бросился следом:

– Ксаночка! Ксаночка! Как же так? Дай, провожу тебя!

– Сама дорогу найду!

– А мутанта не боишься?

Она даже не оглянулась, но произнесла с зовущей игривостью:

– Да он не такой и страшный!

Проводив взглядом ее манящую, кровь с молоком, фигурку, Волков вспомнил свою сожительницу и вдруг впал в такую тоску, что затошнило. Эх, плюнуть бы на все, избавиться от незаконной женки и взять Оксану!

И только так безотчетно подумал, как подвижный и ловкий его ум тут же выдал неожиданную комбинацию: что, если и в самом деле порвать с Тamarой и посвататься? Коль уже все решено, а его держат в этой игре для демократии и чтобы у сестры пана Кушнера муж был, то не послать ли их всех к ядерной фене вместе с таможей и мовой? Дременко спит и видит, как дочку-перестарка замуж отдает, а Оксана наконец-то обломалась, созрела, к Волкову очень даже льнет, позволяет обнять, потискать и разговаривает задушевно. Вот и сейчас предупредила и даже посожалела, что он живет с Тamarой Кожедуб помимо воли своей. Чуток только поднажать, поухаживать, подарков дорогих надарить, в ресторан пригласить или в ночной клуб, что в России открыли, и сломается! Жениха-то своего забубенного, пожалуй, давно ждать перестала. А замуж не выходит, потому что не за кого, да и если кто положил на нее глаз, то посвататься боится – такова уж участь всех красавиц и дочек начальников.

Получается интересный расклад: коль Волков женится на Оксане, то Дременко всяко не оставит в нищете и убогости молодую семью и своим заместителем непременно возьмет. Сколько он сам протянет? Года три-четыре, не больше, а дочка у него единственная, и, говорят, в хате у себя он ей слова поперек не скажет, во всем слушается, поскольку боится, что дочка вильнет хвостом, и поминай как звали. Если еще и она нажмет на родителя, глядишь, тот и откажется от власти в пользу зятя.

Конечно, Сильвестр Маркович может обидеться за сестру, да ведь и ему можно съездить ихним салом по мусалам – напомнить, например, депутату о «сладком деле», коим они повязаны. Волков несколько лет искал подходы к пану Кушнеру, даже в его избирательной кампании участвовал, но депутат чужих к себе близко не подпускал. Лазейка к нему обнаружилась случайно, когда Николай Семенович был вызван повесткой к судебному приставу по причине задолженности по алиментам, которые платил второй жене на содержание дочери. И тут неожиданно узнал, что могучая Шалавовна – сводная сестра Сильвестра Марковича. Покорить прежде скромную и целомудренную старую деву было легче, чем пробудить. И когда это Волкову удалось, пан Кушнер сам снизошел и утвердил на должности таможенника.

И почти сразу же предложил подумать: как незаметно переправить в Россию два состава сахара? Видите ли, у него подпольный, неучтенный сахарок завалился на миллион долларов. Николай Семенович походил вдоль строящейся стены один вечер, посмотрел, подумал и предложил оригинальное решение. Сахар-сырец доставили товарняками на каменный карьер, где разгрузили прямо на землю, а китайцы в одну ночь затарили его в мешки, тачками перевезли на демаркационную линию и там уложили в заранее отрытую траншею в виде бутового камня под фундамент. Никто даже внимания не обратил, ибо гастарбайтеры делали это круглыми сутками и напоминали подвластных только инстинктам муравьев. Потом в течение недели сахар самосвалами отправили на российскую железнодорожную станцию, где уже стояли подготовленные вагоны. Всякая утечка информации исключалась, потому как китайцы ни одного местного языка не знали и не интересовались, что делают и для чего все это нужно. Однако сам Волков весь этот процесс заснял на фото и подальше спрятал.

Если сейчас не подействует демонстрация этой фотогалереи, можно напомнить пану Кушнеру о патриотизме: Тамара-то иностранка. А с его, депутата, легкой руки таких законов напринали, что для брака с ней специальные разрешения запаришь собирать. Ибо политика нынче – укреплять статус национальной украинской семьи. Не то имперски мыслящие москали размоют, растворят и поглотят нацию.

Возвышенный от столь неожиданных мыслей, Волков побрился, освежился контрабандной туалетной водой, надел свежую форменную рубашку с погонами и стал ждать возвращения Оксаны...

Она же тем временем бежала по тропинке вдоль границы через разгороженный теперь майдан, густо усеянный могилами именитых бандитов и контрабандистов, и искала проход. Братковские дети играли в переброску товара, например, пока что жвачки, поэтому считалось у них шиком под ночным покровом пройти сквозь колючку, КСП и проколупать дырку на стыках пролетов – у каждого времени свои детские игры. Но, как назло, сейчас ни одного прохода не оказалось, а старые успели забетонировать. Высокие железобетонные плиты, расписанные еще немцами лозунгами о свободе и объединении двух Германий, были неприступны, непреодолимы, в свете частых фонарей хищно поблескивала современная, жестяная и режущая, как битое стекло, спираль, по старинке называемая проволокой. А еще ведь кресты на могилах, черные каменные надгробья – кого хочешь охватит ужас. Правда, грозность этого сооружения несколько ступшевывали рекламные объявления, густо расклеенные с обеих сторон, остатки портретов кандидатов прошлых выборных кампаний с их лозунгами и просто нецензурные граффити, выполненные шпаной.

Хата деда Курова оказалась на демаркационной линии, разрезавшей ее пополам: партизанское гнездо снести не отважилось ни одно государство. Не удалось это первым строителям – прибалтам, которые недели две держали его в осаде. И даже у самой Тамары Кожедуб ничего не вышло, хотя, исполняя многочисленные решения суда, она приводила сюда ОМОН, УБОП, МЧС, СОБР, бойцов знаменитой «Альфы» и не раз являлась собственной персоной. Более всех продвинулся прапорщик Чернобай, которому удалось снести штакетник палисада со стороны бабки Сова, поставить полосатый столб с гербом и вместо невероятно колючих и цепких, как хозяйка, розовых кустов разборонить контрольно-следовую полосу. Правда, Елизавета Трофимовна тут же посеяла на ней морковку, лук-порей и цветочки «Львиный зев».

Невозможность привести приговор в исполнение отнесли к форсмажорным обстоятельствам, за госсчет напялили решетки на все окна, стену провели через огород, пристроив вплотную с двух сторон, а крышу, будто новогоднюю елку, украсили гирляндами сверкающей колючки и путанкой – спиралью Бруно.

Когда-то каменный особняк героев войны выглядел высоким, праздничным, с кирпичными узорами вокруг окон и по фронтону, но со временем все это потускнело, вросло в землю, утопталось, как с возрастом утаптывается человек, и теперь, в соседстве с высокими, строгими и даже красивыми стенами хата торчала, как прокуренный гнилой зуб во рту старика. У Куровых было свое, индивидуальное «окно», которым Оксана изредка пользовалась, и, поскольку спрямить не удалось, она и побежала в обход, через их усадьбу.

И была уже неподалеку от уцелевшего с украинской стороны палисада, когда перед нею опять внезапно возник горбатый, зловещий в косом свете (бледном свете луны?) мутант.

– Да что ты пристал? – Оксана на минуту остановилась. – Может, у тебя что-то болит? Ты говорить-то умеешь?

На сей раз реакция была совсем другой: мохнатая тварь вдруг вскинула голову и завывала низким, утробным голосом, так что и невозмутимую медичку ознобило. В какой-то миг ей показалось, что это и впрямь ее родитель, только ряженный и обезумевший: в период сильных потрясений и переживаний он переставал бриться, пил горилку и выл по ночам, вызывая страх и одновременно трепещущую дочернюю жалость. Когда партию закрыли, а секретарей выгнали из райкомов, так родитель два месяца страдал – сердце кровью обливалось. Одичал совсем, бородой до колен зарос, на люди не показывался и даже разговаривать перестал. Едва выходила его Оксана, уколами отвадилась – тогда еще лекарства кое-какие оставались...

И сейчас, глядя на это человекоподобное существо, она испытала то же самое, но в следующее мгновение мутант, разинув беззубую пасть, перешел на угрожающий рык и опять попытался обхватить Оксану ручищами. Она ловко ушла от захвата и машинально двинула баулом в морду. А старомодная медицинская сумка была хоть и полупустой, но тяжелой, со стальной

дугой посередине, так что под нею смачно хряснуло, отчего чудище отскочило и замешкалось. Оксана же припустила к палисаднику, перемахнула его и застучала в куровское окошко:

– Дедушка, откройте!

Потом оглянулась и увидела горбатую фигуру, медленно удаляющуюся в сторону таможни.

Дед Куров в это время не спал. После того как его схватили милиционеры и отняли наган, он вообще спать не мог от возмущения и вместо того, чтобы писать жалобы в инстанции, старый партизан спустился в подпол, откопал там ППШ и теперь сидел, отмывал керосином консервацию. Пушечное сало за долгие годы высохло, затвердело, особенно под кожухом охлаждения ствола, а выковырять его оттуда было непросто, но обязательно, ибо по опыту дед знал: начни стрелять, так после двух-трех очередей загорит, задымит и завоняет, хоть святых выноси.

Услышав нервный стук в окно, Куров тотчас выключил свет и передернул затвор:

– Отойди! Стрелять буду! Я защитник Киевской Руси! Незалежного государства!

– Пустите в Россию, Степан Макарыч! – попросил девичий голос. – Это я, Оксана!

– Оксана? – Куров положил автомат, растворил окно и глянул через решетку. – И верно!

Ах ты моя голубушка!

– За мной мутант гонится! – пожаловалась она. – Чуть не схватил!

– Где мутант?! – Дед отвинтил потайной болт и отодвинул решетку.

– Я ему по харе баулом съездила, так убежал!

– Залазь! Достали уже эти мутанты! Ни днем, ни ночью покоя нет, с автоматом сiju...

Она же забралась в хату, села, озирается:

– Давно у вас не была. Как бабушка? Здорова ли?

– Что с ней сделается? – пробурчал старик. – Спит, должно, и свои вещие сны смотрит.

Упаси бог разбудить невзначай!

– Вещие?

– У, каждую ночь! А потом целый день обсуждает со своими подружками. Козла увидишь во сне – к ссоре, дерьмо собачье к болезни, голого мужика – к радости. Я и то выучил.

– Неужели бабушке еще эротические сны снятся? – печально усмехнулась Оксана. –

Чудно...

– Раз в неделю так обязательно! Обычно по четвергам.

– Она совсем к тебе не приходит?

– У нас опять международный конфликт.

– Поссорились?

– Глумится надо мною Сова, – пожаловался он. – Меня ведь разоружили и под домашний арест посадили с браслетом. Никакого уважения к древнему государству.

– За что?

– Мутанта ходил искать, а менты схватили. И наган отобрали! С войны берег... Я же не примкнул ни к какому государству! И как свободный гражданин, имею право на самооборону! Раз мне армии не положено.

Гостья сидела, озиралась, и было видно, не интересно ей это слушать – то ли вспоминает что, то ли мечтает. Старик поспешил сменить тему:

– Давай-ка чайку поставлю! А может, по рюмочке хлопнем?

– Да я ведь по вызову бегу, – на словах заторопилась она, а самой уходить не хотелось. –

Ленка Котенко рожает.

– Размножаются москали, – заворчал Куров, глядя на перегородку, – как тараканы...

– От Юрка письма не было? – спросила Оксана с тоской и безнадежностью.

– Как не было?! – спохватился он. – На днях прислал! Обстоятельное такое...

– Ой, дайте почитать, дедушка!

Куров замялся и сделал раздосадованный вид.

– Дал бы... Но Сова стащила! Выкрала. Она все у меня ворует! Недавно хватился – шесть гранат пропало.

– Каких гранат?

– Противотанковых... Сова взяла, а кто еще?

– Что хоть пишет? Про меня-то спрашивает? Или уже забыл совсем...

Дед подсел к Оксане, подмигнул:

– Разве такую дивчину забудешь? Еще как спрашивает! Кланяться тебе велел...

– Хоть бы строчку черкнул. Провалились бы эти алмазы! Сама виновата...

– Нельзя ему сейчас с женской половиной человечества общаться, – на ходу придумал

Куров. – Запрещено уставом.

Она вскинула удивленные и печальные глаза:

– Уставом?.. Он что, в армию пошел? В контрактники записался?..

Дед повертел головой, прислушался, что творится за перегородкой.

– Должен тебе тайну открыть. Только бабке не говори...

– Не заболел ли?

– Живой и здоровый, – как-то обреченно прошептал дед. – И при высокой должности сейчас.

– Президентом выбрали?

– Что-то вроде того. Юрко-то ведь шаманскую семинарию с отличием закончил.

– Шаманскую? Да на что ему?

– Как на что? Злых духов искать, заразу из людей изгонять. С помощью бубна и всяких танцев. Камлание называется... Теперь карьеру делает.

Оксана чуть не заплакала:

– Вы не шутите, Степан Макарыч?

– Какие уж тут шутки? Пишет, должны верховным шаманом поставить. Это как у нас патриарх.

– Значит, он там и останется, – заключила дивчина со вздохом. – В Братково-то ему что делать? Тут своих шаманов хватает...

Дед придвинулся еще ближе, обнял за плечи:

– Не горюй, дочка. Давно хочу сказать тебе... Юрко хоть и внук мне, а скажу прямо. Хватит его ждать. Выходи-ка замуж. Сдается мне, нашел он там раскосую девицу. Оттого и на глаза боится показываться.

Она отодвинулась, спросила возмущенно:

– Как нашел, если слово дал на мне жениться?!

– Дуреха ты... Сова вон тоже до смерти любить обещала. А Юрко, он весь в бабку. К тому ж красивый, девки к нему липнут. А якутянки ласковые с нашими парнями, только не целуются, а носами друг друга тычут и обнюхиваются.

– Откуда вы знаете? – настороженно спросила Оксана. – Юрко написал?

– Я и сам в Якутии работал. И бывало, тыкался носом... Нет, иди-ка ты замуж!

– Да кто же теперь возьмет? Замуж... Придется Юрка ждать, раз молодость мою погубил.

Или уж поехать к нему?

– Куда? Там же мороз – воробьи на лету замерзают!

– Мне теперь все равно. Мороз, жара... Уж лучше я шаманить с ним буду, чем здесь народ йодом мазать...

В этот момент переборка встряхнулась от частого стука и визгливый голос Совы ворвался, как из преисподни:

– Эй, хохол! Ты с кем это там расчирикался? Куров приставил палец к губам, но сказал громко:

- Не нарушай границы!
- Твоих контрабандисток не пропущу! – был ответ. – Не надейся!
- Знаешь хоть, кто пришел-то?
- Знаю я вас! Так и норовите в России что-нибудь стянуть! Захотели пожить самостийно, вот и живите! А я не позволю твоим контрабандистам экономику государства нарушать!
- У деда плечи опустились.
- Видишь, у нее на почве политики болезнь приключилась, – посожалел он. – От того и взамуж захотела на старости... Ее нельзя полечить? Может, пилюли какие есть?
- У меня один йод остался, – прошептала Оксана и подхватила сумку. – Пойду я, Степан Макарыч...
- Йодом голову не вылечить. – Он открыл люк. – Ход за бочкой из-под капусты, помнишь?
- Помню...
- Обратно через сортир возвращайся. Только не через «Ж», а через «М».
- А «Ж» теперь куда выводит?
- Я там лабиринт устроил. Чтоб контрабандистов отвадить.
- Оксана скрылась в подполе, а Сова еще раз постучала, словно клювом, и спросила с вкрадчивым распевом:
- Опять баб там щупаешь, старый мудант?
- Куров на это и внимания не обратил, а сел в люке, свесив ноги, посмотрел, как Оксана уходит в Россию через подземелье, и только головой покачал:
- От дурак, Юрко! Дивчина-то какая спелая. Укуси, так сок брызнет... Эх, зубов нету!

Глава 3

Волков следующим утром сидел на своей половине башни, выглядывал из круглого отверстия, словно скворец, и, мечтательно любуясь зарей, поджидал Оксану с вызова, даже о «полянице» забыл. Но глядь, а из России вместо докторши Тамара Кожедуб идет, узелок с судками в руке: завтрак несет! Нюх у нее был феноменальный: как только Николай Семенович на сторону посмотрит, она уже чувствует и под каким-нибудь предлогом является на таможенную. У него под ложечкой засосало, но не от голода, а от нехорошего предчувствия – сейчас пытаться начнет!

Хоть бы Оксану в это время не принесло...

При виде Тамары Шалвовны Вовченко калитку КПП перед ней распахнул и даже козырнул – не по службе, а из уважения перед ее статью. Однако она будто не заметила, целеустремленно по лестнице поднялась, с порога носом потянула и, кажется, ушами запрядала, как лошадь при близости волка.

– Ты зачем это надушился?

– Контрабанду уничтожал. – Николай потер руки, будто бы в предвкушении завтрака: – Накрывай на стол!

На самом деле он терпеть не мог пищи, которую его гражданская супруга готовила, – в основном кабачки во всех видах, капуста и прочие овощи, поскольку она лет пятнадцать уже сидела на диете, пытаясь похудеть, а что жена не любит, того мужу не есть. Однако Тамара развязывать узелок не спешила, прежде углы обнюхала, вещественные доказательства искала и, ничего не обнаружив, спросила:

– Что тут ночью Оксанка Дременко делала?

– У Котенко жена рожала, – между прочим обронил он, зная, что лукавить в присутствии судебного пристава невозможно. – По вызову ходила...

И лучше бы не говорил правды. Тамара судки выставила перед ним, посмотрела, как он ест, и зачитала приговор:

– Жена у Котенко рожала... А я кормлю, кормлю тебя, и все без толку! Быстро поел и ко мне!

Сама же дверь на запор, форменный китель с погонами скинула и давай юбку снимать. Пробужденная старая дева словно с цепи сорвалась: насмотревшись эротической кинопродукции, потеряла всяческий стыд и представления о реальности, пыталась все увиденное воспроизвести в натуре. Поначалу Волкову это даже нравилось, особенно ее неутомимость, изобретательность и жажда эксперимента. Но Тамара добывала все новые и новые фильмы и требовала потом повторить увиденное. Бессмысленно было убеждать ее словами, что в жизни этого не проделать никоим образом, каждый раз приходилось доказывать на практике. По этой причине они сломали уже три кресла, диван и две кровати, вырвали вместе с проводами люстру из потолка, отчего во всем доме потом чинили свет, и нарушили систему отопления. Хорошо, произошло это в летний период и сорванный стояк оказался пустым, а то бы еще кипятком обварились. Однажды съездила в Брянск, где накупила в секс-шопе себе эротического белья и всяких непотребных предметов, а ему специальные кожаные штаны, безрукавку с цепями, нарукавники и маску какого-то американского супермена. Потом, несмотря на ответственную должность судебного пристава и известность, записалась в недавно открытый Пухнаренковым фитнес-клуб, посещала семинары каких-то заезжих шарлатанов, обещавших похудение в течение двух недель, горстями ела таблетки и, напротив, почти отказывалась от пищи.

Волков надеялся, что хоть голод ее несколько усмирит, но куда там! Фантазии ее перелхестывали через край и не имели зримых очертаний. В порыве страсти она повезла Мыколу в Испанию, в трехдневный тур, на корриду, которая произвела на Тамару сильнейшее впечатление. Это после нее незаконная супруга увлеклась садомазохизмом. Принесла с работы наруч-

ники и плеть, приковала себя к головке железной кровати, выполненной по заказу, нарядила Волкова в костюм тореадора, прикупленный на корриде, и велела ее умирять, как быка на арене. Мыкола попрыгал вокруг, с удовольствием вытянул ее несколько раз по крутым бедрам, однако это ей не понравилось.

– А теперь твоя очередь! – пристегнула Мыколу и взяла плетку.

Он извивался на койке, словно уж, и все равно досталось по ребрам, но и от этого экстаза Тамара не испытала.

И вот теперь, должно быть, она насмотрелась кино про офисный секс и хотела сыграть бедную, испуганную секретаршу в кабинете шефа-извращенца. Оголила нижнюю часть тела, разлеглась на диване и залепетала голосом, которым говорила по телефону, но голливудским языком:

– Не прикасайтесь ко мне! О, прошу, не надо! Этого со мной еще никто никогда не делал. Что это у вас такое?

Волков глянул на ее чресла, внутренне ужаснулся, однако не зажмурился и голос не дрогнул.

– На службе не положено! – осадил, ровно плетью. – Батько Гуменник велел мову учить!

– Положено везде, где поставлено! – отпарировала Тамара уже своим обычным голосом. – Ходь до мене, зараз и мове научу, и побачу, шо це таке у тебе в шароварах...

В это время, на счастье Николая Семеновича, в кармане кителя супружницы зазвонил мобильник. По телефону она разговаривала сладенько, с томным придыханием, отчего голос ее никак не соответствовал внешним данным. Ей бы заниматься виртуальным сексом – отбою бы не было от клиентов...

– Я вас очень внимательно слушаю, але, – проворковала Шалавовна и в тот час сменила тон: – Добре, добре, брат! Американець, або хто ще, нехай...

Волков насторожился и одновременно возликовал, а незаконная супруга бросила трубку и с сожалением натянула юбку.

– Сильвестр Маркович прыхав, щоб йому! Гуменника прытягнув и якогось американця.

Она умышленно говорила с ним на мове, дабы у мужа была языковая практика, – заботилась о его карьерном росте.

– Вот что такое хорошая интуиция! – с удовольствием заметил Мыкола.

– Была бы у тебя другая... интуиция, – уже по-русски проворчала Тамара, с грохотом собирая судки. – Чтоб вечером у меня в хате сидел и ждал! Кино погляди, в аппарате оставила...

Они хоть и сошлись уже больше года назад, однако жили пока в разных государствах...

– Чую, сегодня будет настоящая порнуха, раз начальство пожаловало. Тут уж как получится...

– Нехай только не получится! – пригрозила она и хлопнула дверью.

Только сейчас он осознал, какую рискованную комбинацию задумал, и сначала в холодный пот бросило, потом жарко стало, ибо спустя минуту к таможене подкатил «форд» Дременко. Обычно Волков относился к нему холодно, как к конкуренту, но тут поправил фуражку и спустился с башни навстречу:

– Здоровеньки булы, Тарас Опанасович!

Когда тот был секретарем райкома, его звали Тарас Афанасьевич, поскольку с украинским звучанием отчества карьеры было не сделать, но вместе со сменой власти изменилась и мода.

Голова подобного не ожидал, однако без всяких объяснений чувствовалось, приехал по важному делу и чем-то сильно озабочен. И оттого снисходителен до добродушия, что сейчас было на руку.

– Здорово, Мыкола. Знаю, Оксана была у тебя ночью, обнимались тут.

Волков готовился к разговору, придумывал, как начать, но и в голову не приходило, что Дременко сам заговорит об Оксане, и потому слегка растерялся.

– По вызову бежала во втором часу, – признался он. – У Котенко жена рожала...

– Говорят, ее мутант напугал. За руки хватал... Говорила тебе?

Слухи в Братково разносились с быстротой невероятной. Даже в ночное время, когда все спали.

– Говорила...

– Обратно через таможду проходила?

– Нет...

Дременко снял шляпу и вытер низкий, угрюмый лоб:

– Роды приняла и куда-то пропала. Трубка не отвечает. В хате нет, на работе нет... А где мутант напугал, сказала?

– Недалеко от КПП отирался. Тут рядом. Схватил так, что синяки оставил.

– Сам-то видел?

– Синяки видел.

– А мутанта?

– Нет, он мужикам не показывается...

– Мабусть, у москалив ще Ксанка? – то ли спросил, то ли предположил озадаченный Дременко.

– А может, и в «окно» сквозанула...

– Через Куровых?

– Через кого же еще? – Волков уловил нужный момент. – Я вам так скажу, Тарас Опанасович: мается ваша дочка от одиночества. Засиделась в девках, а ей замуж давно пора. Оттого и бегаёт по ночам.

– Да так, Мыкола, так... Но сейчас не до нее!

– Как это – не до нее? – изумился тот. – Может, поймал ее мутант и уволок?

– Ее, суперечливую, и черт неймет! – в сердцах отмахнулся Дременко. – Страсть яка норовлива!

– Вот и надо замуж отдавать, чтоб угомонилась! Тот головой тряхнул:

– Отдал бы, да ведь ждет Юрка, внука Куровского. Еще тот мерзотник, весь в деда. Зачумил голову дивчине...

– Не ждет она его, Тарас Опанасович.

Дременко глянул из-под мохнатых бровей, словно медведь из берлоги:

– Кто же тебе сказал такое?

– Сама и сказала. И замуж, говорит, никто не берет, не сватается. Мол, рожать пора, а хоть от мутанта рожай.

– Ты с ней такие разговоры ведешь? – спросил голова подозрительно.

– Что же не вести? Мы с Оксаной всякие разговоры ведем...

– Был бы жених, так отдал бы не глядя, – вдруг вздохнул голова, озираясь. – Да где взять такого, чтоб ей по нраву был? Она ведь привередливая – страсть. Ох, кому-то достанется горя с ней похлепать...

Волков с духом собрался:

– Да я бы не прочь, Тарас Опанасович, хлебнуть.

– Чего хлебнуть? – не понял или схитрил тот.

– Горя с Оксаной.

– Ты?..

– Чем я ей не жених? Постарше буду, так и она не первой свежести дивчина. Сама виновата, давно хотел посвататься, да куда там!

– Шутишь, Мыкола?

– Не шучу, Тарас Опанасович! – Волков почувал момент откровения. – Давай с тобой поговорим, как мужики. Нравится мне Оксана, а потому я готов тебе должность уступить и больше не ходить в конкурентах. А своему электорату объявлю, чтоб за тебя голосовали.

Этого Дременко уж никак не ожидал, и вид у него был такой, словно он в лесу заблудился и теперь лихорадочно вертит головой, дабы сориентироваться. Того и гляди закричит – ау!

Но быстро взял себя в руки и проворчал в сторону:

– Знаю я твой электорат... Контрабандисты...

– Как хочешь назови, а полноправные граждане. И весьма активные, между прочим, порядок знают, так что голос свой отдадут, за кого скажу.

Это голова проглотил, как карась наживку, но вдруг трепыхнулся:

– Ты ведь с Тамарой Кожедуб живешь?

– Одно название – живу, – отпарировал Мыкола. – В разных государствах, не расписаны... Какая она мне жена? Никаких обязательств. Горшок об горшок, и кто дальше...

– Як же ж Сильвестр Маркович?

– Мне с ним детей не крестить!

Дременко губу закусил, бровями глаза прикрыл – соображал, должно быть. Николай же Семенович понял, дожимать надо голову:

– Принимай условия, Тарас Опанасович, пока сам предлагаю. И все останется между нами. А уж с Оксаной мы поладим.

Тарас Опанасович соображал с отчаянием и, конечно, угадывал, что в словах бывшего предрика проглядывает некая комбинация, – не мог тот жить без всяческих изощренных уловок, на которые слыл мастером. Однако выявить их с ходу голова был не способен, ибо совпартшкольное образование обрекало на тугодумность, – так считал Волков.

– А що? Дывлюсь, Мыкола, моя Ксанка и насправди тоби любя – колы тоби и кар'ера не потрібна? – наконец проговорил он, и переход на мову означал, что Дременко хитрит, вздумал еще поторговаться.

– Та як Ксаночку побачу, так хвилья в душе бьет! – признался тот. – На шо мене карьера? Нехай горит ясным пламенем! Мы лучше внуков тоби, тату, рожать станем!

Хмурый Тарас Опанасович впервые усмехнулся, и, как показалось, снисходительно:

– Внукив наплодыты – не велька пиклування... Добре, подуматы треба, Мыкола.

– Некогда думать, – отрубил Волков. – По моим сведениям, Сильвестр Маркович пожаловал. С батькой Гуменником и американцем.

– Откуда ты узнал? – не сдержался голова. – Они ж тайно приехали!

– А ты откуда знаешь, что мы с Оксаной тут обнимались? По телевизору показывали?

Это был открытый намек на то, что Волкову известно о секретном договоре Дременко с Чернобаем, по которому установленные видеокамеры транслировали всю обстановку на таможене голове администрации района в сопредельном государстве. И, невзирая на крайнюю озабоченность, Тарас Опанасович намек понял и слегка подобрел.

– Ты больше года исполнять обязанности головы не имеешь права, – напомнил ему Мыкола. – Значит, определяют дату выборов. Когда начнется избирательная кампания, поздно будет договариваться.

– Не за тем пан Кушнер пожаловал, – озабоченно проронил Дременко и огляделся. – Ладно, Николай Семенович, согласен, если Оксанка пойдет. Нехай!

– Другой разговор!

– Ты мне вот что скажи... Правда, мутант возле таможни ночью отирался?

– Было дело...

– Москальские камеры записали что?

– Не знаю. Сам спроси у Вовченко.

– А ты что?

– У нас с ним жесткая конкуренция. Даже не здороваемся. Москаль, он и есть москаль, великодержавный шовинист и империалист.

– Будет тебе. По-моему, так у него не все дома...

– Прикидывается...

– Разведай у него про мутанта, на уступку пойдя ради дела, сам прикинься.

– Да сдался тебе мутант, Тарас Опанасович! Судьба твоей дочери решается. И твоя, между прочим...

– Мне сейчас бы сыскать эту тварь... Или хотя бы место определить, где она прячется.

– На что тебе?

– Понимаешь ты, какое дело... – Тарас Опанасович замялся. – Только информация секретная. За разглашение сам знаешь... Этот американец – очень важный чин в НАТО, сэр Странг, а зовут Джон. Приехал с секретной миссией, по заданию своего руководства. Изловить мутанта хочет, живым. На худой случай мертвым. Но приказано – лучше живым, для науки. Им интересно изучать воздействие радиации на человека. Сроку – три дня. И все на меня одного повесили! Будто я этих мутантов тут развожу или в клетке держу! Будто охотился на них всю жизнь!

Волков тут же смекнул, что наверняка пан Кушнер или же батько Гуменник условие поставили: уедет американец с добычей – быть Дременко головой. А нет – так, мол, не обессудь...

– Помощь моя нужна? – доверительно спросил он.

– Нужна, Николай Семенович, до зарезу! А людей надежных нема...

Волков услышал его внутренний опасливый трепет и добавил волнения:

– Если я встречу мутанта, ловить и вязать? Или как? Тарас Опанасович недоуменно отступил:

– Думаешь, так легко поймать? Сам говоришь, жинкам только показывается. Это же не медведь, на него засидку не устроишь!

Теперь дело следовало поставить так, чтобы голова без него не обошелся.

– Отчего же? – Мыкола сделал многозначительную паузу. – Мутанты ведь через границу ходят? То у нас являются, то у москалей...

– И шо?

– Я же все ходы знаю. Тайные тропы, «окна», дырки. Посадить по паре хлопцев с каждой стороны порубежья – и куда он денется?

Столь примитивный ход он подсказал для того, чтобы вытащить из головы побольше информации.

Дременко щетину на щеках потер – видно, сегодня и разу побриться не успел...

– Можно бы, да вот в чем закавыка: сэр Странг требует, чтоб самому поймать. Он и ружье привез специальное, снотворным уколом стреляет. Говорит, хочу собственноручно добыть. Мол, я на всяких зверей охотился, даже на львов, слонов и прочих африканских животных. И у него дело чести, чтоб самому. То есть его надо подвести к мутанту на выстрел.

– Это будет сложнее, Тарас Опанасович...

– В том-то и дело! Капризный американец попался.

– Логово надо искать.

– Да где ж его искать? И когда – три дня сроку! Пан Кушнер торопит. Будто москали вопрос с мутантами изучают и хотят то ли в Красную Книгу занести, то ли вообще за людей признать. Пока законов нет и запрет не наложили, надо одного добыть!

– Мало времени, не успеть, – обреченно заключил Волков. – Вопрос не изучен.

Голова расценил это как намек:

– По секрету скажу, американцы миллион заплатили за мутанта. Конечно, не из кармана Странга, финансируют по программе НАТО... Сильвестр Маркович премию гарантировал.

– Я сейчас о другом, Тарас Опанасович. Чтоб добыть такую хитрую тварь, надо хотя бы данные о ней собрать, повадки изучить. Провести соответствующую подготовку, просчитать маршруты передвижения. Много чего надо. А то ведь одни разговоры да сплетни.

– Все силы привлеку, милицию, егерей, – безнадежно отмахнулся голова. – С раннего утра планы разрабатывают, да чувю, толку мало. У них дальше, как прочесать цепью всю округу, дело не идет. А тут надо тихо, без шума, соблюдая секретность. Откровенно скажу, только ты, Николай Семенович, и можешь организовать. У тебя способности есть. А теперь и заинтересованность!

Волков намек понял, но, чтобы права свои отстаивать да еще и припереть Дременко к стенке, дабы от своих слов не отказался, следовало всю организацию этого дела замкнуть на себе. И тогда голова превращается в обыкновенного и зависимого посредника, от которого потом в любой момент можно избавиться, либо всегда держать на коротком поводке.

– Уж очень осторожные эти твари, – стал размышлять он, – и, говорят, чужие мысли умеют читать на расстоянии. И внушать свои. Видел, Тарас Опанасович, как мутант китайцев напугал? А они ведь люди стойкие, каратисты, дзен-буддизм знают... Вот и получится: мы их в Украине станем ловить, а они заранее в Россию уйдут и там затаятся. Если уже не затаились... У пана Кушнера есть возможности москалей привлечь?

– Возможно, и есть. – Дременко рассуждать на эту тему не захотел, а значит, что-то скрывал. – Не наше это дело. Думаю, своим умом надежнее...

Николай Семенович знал простое правило: для того чтобы оседлать ситуацию и взять дело в свои руки, надо было вытянуть из конкурента все его замыслы и предполагаемые действия, после чего взять все самое рациональное, облечь в несколько иную форму и идти далее пусть всего на полшага вперед. При этом всю дистанцию, до самого финиша, надо делать вид, будто слегка отстаешь, стараешься, но не догоняешь.

– Ну и что же ты предлагаешь, Тарас Опанасович? – с легкой иронией спросил он. – У тебя-то какие соображения?

– В первую очередь к Курову сходить, – признался Дременко. – Если мутанты у нас появились, то скрываются им негде, только в России, на второй заставе. А дед там все ходы и выходы знает. Мы с ним не раз медведей на берлогах брали. У него глаз острый. Чувю, знает что-то старый партизаню-ка! Иначе бы с наганом по ночам не шастал. Тебе говорить с Макарычем сподручно, крестник...

– Да и ты его все раньше сватом кликал, – осторожно намекнул Волков.

– Какой он теперь сват? – нервно отмахнулся голова. – Считай, как к будущему зятю обращаюсь: выведай все про логово. Если не знает, сговори, пусть сходит поищет. Должна быть у мутанта берлога! Потом подкатись к Вовченко. Говорят, он в свою трубу давно высматривает мутантов. И следы их ищет, причем с научным подходом. Може, вже бачыв, та мовчыть.

– У меня с Вовченко контактов нема, – попытался уклониться Мыкола, но был тут же приструнен:

– А ты наведи контакты! Ради такого дела! Войди в доверие, если что, денег предложи. Не мне тебя учить...

– Добре, тату.

– Отыщи Оксанку и попытай! – уже приказал Дременко. – Где видела, как... И своих контрабандистов тоже! Говорят, они часто бачут, так уже и повадки знают. Например, Любка Когут сказала, мутанты «Мальборо» курят.

– Може, и горилку пьют? – уже с явной издевкой спросил Волков, но замороченный голова издевки не услышал.

– Хрен их знает! Може, и пьют... Ты пробегни по своим каналам и разузнай. – И чуть не закричал: – К москалихе своей сбегай, к Тамарке!

– Она уже не моя!

– Некогда разбираться: моя, твоя! Завтра к утру Сильвестр Маркович требует конкретный план охоты! У нас с тобой сутки в запасе! По телефону не звони, докладывай лично. Приказ пана Кушнера.

Волкову на миг показалось, что из-под шляпы головы идет синий дым, но пригляделся – нет, пока вроде бы пар...

Дед Куров несколько суток уже сидел под домашним арестом и от этого сильно притомился. Дело в том, что на руку ему напялили стальной браслет с замком и какой-то электронной штуковиной, чуть только выйдешь за ворота – сигнал через спутник, через космос в милицию летит; не успеешь до магазина дойти, вот уже машина с мигалкой:

– Нарушаете домашний арест, гражданин!

Говорят, эти браслеты американцы прислали, бесплатно, в качестве гуманитарной помощи и чтоб поменьше народу в тюрьмы сажали, а демократично оставляли под родным кровом, но под полным контролем. Старый диверсант попробовал ключи подобрать, потом иголкой в замке поковырялся, так менты маски напялили и как мутанты в хату ворвались:

– Не ломай общечеловеческую ценность! Не то в камеру запрем!

Вот тогда дед взял да забаррикадировался на своей половине хаты. Из подпола автомат достал, запас патронов, и только гранат противотанковых не нашел – должно быть, Сова уперла. Все равно в гимнастерку с сержантскими погонами нарядился, ордена и медали подцепил, каску с красной звездой – на голову:

– Перехожу к круговой обороне! Постою за Киевскую Русь!

И только появление Оксаны несколько утихомирило его воинственный дух. Стал он думать, не помириться ли с Елизаветой Трофимовной, не эмигрировать ли в Россию и там, показав браслет Пухнаренкову и журналистам – мол, вот как в Украине измываются над ветеранами, – вызвать общественный резонанс да попросить политического убежища. А иначе как еще отвязаться от вездесущего контроля? В общем дрогнул и уж было решился, но Оксана на обратном пути все планы спутала. Через сортир и дедов подпол к себе на родину не пошла, а завернула к Сове, и слышно было: сидят, чай пьют и судачат о чем-то, но неразборчиво – только бу-бу-бу, бу-бу-бу. Ну, понятно, зацепились языками и сейчас кости ему перемывают. И так обидно Курову стало, что он достал четверть с первачом и только налил рюмку, как условный стук в окно. Отвел занавеску, а это крестник стоит и рукой машет, дескать, выйди на улицу. Видно, оттянул ненавистную ляжку, оделурил, переделся в гражданское и парик снял...

– Я в осаде! – отвинтил решетку. – Полежай в амбразуру!

Тот перевалился через подоконник, словно через бруствер окопа, отдышался.

– С утра жара... Степан Макарыч, выручай!

– Сначала ты, – и рюмку ему налил, – составь компанию.

Волков дернулся было на отказ, но махнул рукой и выпил.

– Спасай, Макарыч! Крепкая, стерва... Судьба на волоске. – Переживая горечь и укроющая дыхание, затих и задумался.

Отец Мыколы, Семен Волков, прибил к Куровым еще подростком, когда те вернулись с заработков в Якутии. Всем говорил, будто сирота, но оказалось – сбежал из дома, воровал и бродяжил по железным дорогам. В общем, с малолетства так и звали его Волчонком. Появившись в Братково, он для начала обокрал богатого Степана Макарыча, однако был схвачен за руку бдительной Совой. В милицию сдавать не стали, отмыли, переделали, хотели в школу определить, да по возрасту в третий класс не приняли, и тогда Куров взял его себе в подручные. А работал он тогда взрывником на каменном карьере, и через несколько лет Семена ремеслу обучил, в армию проводил, а потом и женил. Когда Колька родился, так и вовсе покумились, какой-никакой родней стали, однако в бывшем охотнике до чужого добра другая страсть проснулась – к чужим женам. Ладно бы красавец был писанный, а то щуплый, большеротый, востроносый, рано облысевший, да поди ж ты – замужные женки трясутся от страха и все одно

сами на нем виснут. Причем все подряд, к какой ни подкатится. А весь фокус заключался в его особом нюхе, которому цены бы не было в парфюмерной промышленности. Он крепость горилки определял по запаху с точностью до градуса, а утром, выйдя на улицу, мог сказать, в какой хате райцентра и что приготовлено на завтрак. Однажды как-то признался Курову, что и женщин, жаждущих в определенный час мужского внимания, он вычисляет тем же способом, дескать, от них исходит особый аромат, слышимый за несколько километров. Так что останется вечерком понюхать ветер и идти туда, где никогда отказа не будет. Короче, и нюх у него был волчий. Дед от военной контузии бессонницей страдал, и, бывало, выйдет ночью гулять, а Семен по-воровски уже крадется в чью-нибудь хату.

– Эй, ты куда? – спросит.

– Шпуры бурить! – только захохочет тот.

– Ну, гляди, попадешься!

– А, не боюсь! Оно того стоит!

Братково хоть и большое село, районное, и на город смахивало, но все равно деревня, слухи, как молнии, разлетаются, и наутро уже известно, где он шпуры бурил. Один ревнивый муж скараулил – колом отходил, другой чуть вилами не заporол, а ему нейдет. Однажды пробрался в окно к жене пимоката и резвится с ней. Муж ее тем часом в соседнем помещении валенки катал, ну и услышал характерный шум. Вошел, застал свою супружницу с Семеном – и деревянной колодкой ему по башке. Так жена еще защищать бросилась своего любовника! Ей тоже досталось пялом, но уже по мягкому месту. Семен же подрыгал ногами, затих и дышать перестал. Пимокат решил, что убил, в охапку его и на огород, закапывать. Пока за лопатой бегал, этот волк-оборотень, одыбался и уполз. Утром его уже подобрали без сознания, в больницу свезли. Там очухался, вроде в себя пришел, но память потерял, сон и речь утратил. Забыл даже, кто он, как зовут, только матершинные слова на языке остались, уникальный нюх да тяга к бродяжничеству по железной дороге. Когда жена его выходила, на ноги поставила, он целными ночами к ней приставать взялся. Мычит: дескать, а что еще делать, раз не спится? Через месяц жена не выдержала такого натиска и стала ему подмешивать какое-то зелье, отворачивающее от женщин. И, видимо, переборщила да так отвернула, что он вообще к ним интерес потерял, ушел из дому и пропал. Спустя несколько лет сказали, на станции в Витемле видели, мол, попрошайничает. Подростий Колька съездил, нашел и привез. Семена снова отмыли, переодели, подлечили, но сколько Волкова ни корми, не приручишь: опять убежал, и уже с концами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.